

Александр Амурчик

Ералаш. Elisir d'amore

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 6

B. Berghe. 1624.

Александр Амурчик

**Ералаш. Elisir d'amore. Цикл
«Прутский Декамерон». Книга 6**

«Издательские решения»

Амурчик А.

Ералаш. Elisir d'amore. Цикл «Прутский Декамерон». Книга 6 /
А. Амурчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836797-7

Кажется, что это незатейливые истории сексуальной самореализации юноши в псевдопуританском социалистическом обществе. Но вчитайтесь — и вы обнаружите, что это острые горькие книги о сочувствии ближнему и естественных радостях бытия. В стране, где высшим достоинством представляется сила, высшей добродетелью — деньги, а высшим духовным взлётом — половой акт, дети рождаются от случайного зачатия и, вырастая, продолжают унылый порочный круг. Автор нашёл в себе силы выйти за пределы этого круга.

ISBN 978-5-44-836797-7

© Амурчик А.
© Издательские решения

Содержание

Новелла первая. Награда	6
Новелла вторая. Конкурс ресторанов	13
Новелла третья. Гамбит от брюнетки	34
Новелла четвертая. Гамбит от блондинки	41
Новелла пятая. Неделька	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ералаш. Elisir d'amore
Цикл «Прутский Декамерон». Книга 6
Александр Амурчик

© Александр Амурчик, 2017

ISBN 978-5-4483-6797-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла первая. Награда

Коктейль «Пьяная ссора»

Светлый ром 40 мл.

Сухой ром 20 мл.

Смешать компоненты вместе с кубиками льда. Украсить кусочком лимонной цедры.

*Когда весна, теплом дразня
скользит по мне горячим глазом,
ужасно жаль мне, что нельзя
залечь на две кровати разом
Игорь Губерман*

То памятное мне августовское утро выдалось весьма жарким, и к девяти часам, когда я выбрался из дома и направился к озеру, носящему название «Фрумоаса» (буквально «Красивое»), у меня было лишь одно желание – немедленно окунуться в воду. Сбросив с себя майку и спортивные брюки на пустовавшую парковую скамейку, я остался в плавках и направился к воде.

Поплавав минут десять-пятнадцать и достаточно освежившись, – вода, к счастью, еще не прогрелась до температуры воздуха, оставаясь приятно прохладной, – я вышел на берег и внимательно осмотрелся по сторонам. На узкой песчаной полоске пляжа и выше, кто на солнце, а кто в тени невысоких деревьев, раскинувшись в живописных расслабленных позах – кто-то на покрывалах, а кто-то и просто на траве – принимали солнечные ванны до полусотни отдыхающих. Неудивительно, что в основном это была молодежь – юноши и девушки, так как август – это время каникул. Кое-то из них читал, кто-то, мечтая приобрести равномерный загар, то и дело поворачивал спину или живот вслед за солнцем; в воде же торчали всего несколько голов, в основном неугомонных подростков, по целым дням из нее не вылезавшим.

Я пересек узкую, в несколько метров, полоску песка и улегся в невысокую, густую и пружинистую траву, подставив спину под еще ласковые, утренние лучи солнца. От нечего делать я стал было разглядывать расположившихся неподалеку от меня девушек, отметив для себя пару-тройку стройных фигурок, однако вскоре, потеряв к ним интерес, опустил голову на руку, задумался о чем-то и незаметно для себя задремал. Некоторое время я пребывал в этом состоянии между сном и бодрствованием, когда вдруг тишину прорезал детский крик:

– Тонет, тонет! Смотрите, смотрите, там тетенька тонет.

Я вскочил на ноги. В трех шагах от меня, возбужденно подпрыгивая на месте, кричала девочка-подросток лет двенадцати, рукой указывая куда-то в сторону воды. Прикрывшись от солнца рукой, я посмотрел в указанном ею направлении, невольно напряг зрение, и только тогда увидел шагах в двадцати-пяти от берега над желтоватой, блещущей солнечными бликами поверхностью воды лицо с темным кружком разинутого рта. Это, судя по копне волос на голове, была девушка, она судорожно дергала головой, то и дело запрокидываясь назад, при этом руки ее, совершая хаотичные движения, шлепали по воде. Неподалеку от нее другая девушка энергично размахивала одной рукой над головой, очевидно пытаясь привлечь чье-нибудь внимание.

Несколько человек, уже привлеченных криками, тоже вскочили и взволнованно переговаривались между собой, но то были сплошь женщины и подростки.

«Надеюсь, что это не розыгрыш», – подумал я, направляясь к берегу и с ходу бросаясь в воду. Быстро загребая руками, я поплыл к тонущей девушке. Всего лишь позавчера вечером, вспомнилось мне, где-то неподалеку от этого самого места, утонула по пьяному делу наша местная девушка, самая симпатичная в городе шлюшка – звали ее Лиза, и ей было всего 17 лет. Этой потере многие в нашем городе огорчились, – совсем ведь молоденькой ушла. Парни и девушки – партнеры-собутельники Лизы, сидевшие на берегу и употреблявшие портвейн, даже внимания на ее исчезновение не обратили, а когда очухались, хватились подружки, полезли в воду, нашли и вытащили ее, было уже поздно – девушка не дышала.

Еще несколько мощных гребков, и я у цели, однако, не рассчитав сил, я подплыл к девушке слишком близко. Прямо передо мной возникло перекошенное страхом лицо, девушка, перестав размахивать руками, дернулась мне навстречу, каким-то чудом в одно мгновение дотянулась до моей шеи и судорожно обхватила ее одной, а затем и другой рукой, и все это с совсем не девичьей силой. Поэтому уже в следующую секунду я ушел с головой под воду. От неожиданности щедро хлебнув воды, я попытался вырваться на поверхность, но не смог этого сделать, так как оказался намертво прижатым к груди девушки. На мгновение меня обуял тошнотворный страх... Но уже в следующую секунду отчаянным рывком я освободился от смертельного захвата, для чего одной рукой, сжатой в кулак, ткнул ее в грудь, а другой с трудом разжал ее кисть (думаю, мне это удалось лишь благодаря многолетним занятиям единоборствами). Затем, вынырнув на поверхность, я жадно вдохнул воздух и увидел на расстоянии вытянутой руки от себя бледное, искаженное мукой лицо. Надо было немедленно действовать, однако в этот самый момент я вдруг почувствовал, что силы мои иссякли: от незапланированного нырка на вдохе и воды, неожиданно попавшей в мой организм, я, несколько секунд тому назад крепкий и уверенный в себе мужик, вдруг ощутил себя слабым и совершенно обессиленным – и это открытие было не из приятных; я еле держался на плаву, а тонущая девушка продолжала размахивать руками, тем самым мешая мне ее спасти. Собрав остатки сил, я медленно и опасливо приблизившись, размахнулся и открытой ладонью с некоторой даже злостью шлепнул девушку по лицу, целясь в скулу. Попал, конечно. У девушки закатились глаза и она, перестав размахивать руками, опала в воду; я, а судорожно дыша, поднырнул, подставляя под ее безвольное, почти невесомое тело руки, перевернул на спину и, придерживая ее лицо над водой, поплыл к берегу. Спустя полминуты я вынес девушку на берег и уложил на песок – рука ее вновь обвила мою шею, но теперь это уже было неопасно. С перепугу, видя, что она не подает признаков жизни, я вспомнил все, казалось, давно забытые мною упражнения по искусственному дыханию, которым нас усиленно обучают в пионерлагерях, в школе, в армии, учебных заведениях и т. д., и все их я применил к девушке, очень надеясь на то, что это не мой удар по челюсти стал причиной того, что она сейчас вот так безжизненно лежит передо мной. Теперь у меня была лишь одна проблема – груди лежащей передо мной девушки оказались неожиданно большими, что мешало мне правильно проводить искусственное дыхание.

Надо сказать, что едва мы с ней выбрались на берег, как нас сразу стала окружать толпа, с каждой минутой все увеличивающаяся. Я, конечно, ничего этого поначалу не замечал, но в какое-то мгновение услышал голоса и увидел вокруг себя множество знакомых и незнакомых лиц; любопытные, судя по всему, сбежались со всех концов пляжа и теперь со всех сторон сыпались советы:

- Изо рта в рот – это лучшая помощь, – прокричал кто-то из зрителей.
- Да что ты ей титьки-то мнешь, волоки ее в кусты и используй, пока теплая, – восторженно кричал еще один умник.
- Трахни ее прямо здесь, на песке, вот увидишь, мигом отойдет.
- Давай, Савва, сделай ей вдувание, – радостно взвизгнул чей-то женский голос.
- Ну-ка вы, жеребцы с телками, расступитесь, видите, человеку дышать нечем, – устало отозвался я, продолжая спасательные мероприятия.

Девушка, откликнувшись наконец на мои потуги, кашлянула, открыла глаза, еще бессмысленные, и глубоко задышала; лицо ее постепенно стало приобретать естественный цвет; я, стоя перед ней на коленях, потрепал спасенную по щеке и сказал:

– Ну, вот все и закончилось, малышка, теперь уже не опасно.

Зрители, окружавшие нас, стали неохотно расходиться, ведь эта девушка прямо на их глазах едва не рассталась с жизнью. А смерть – обратная сторона жизни – всегда привлекает и интригует людей. Спасенная, бережно поддерживаемая мною, села на песке, и тут же к ее плечу с другой стороны припала девушка, подруга пострадавшей – все это время она стояла рядом, закрыв лицо руками, и без конца повторяла: «Мама, мамочка! О, боже, что же теперь будет?» и, честно говоря, своими причитаниями стала меня уже раздражать.

«Спасая одного человека, ты спасаешь целый мир», – всплыли в моей памяти чьи-то слова. Они показались мне несколько высокопарными для данного случая, зато помогли вернуться в хорошее расположение духа и успокоиться после случившегося. Кстати, в моей жизни уже был почти такой же случай, вдруг вспомнилось мне. Только он случился несколькими годами раньше и в другом месте, на берегу Черного моря. Тогда тонула девочка двенадцати лет, за которой ее мама просила меня присмотреть. В том случае я тоже подплыл к ней недопустимо близко и чуть не пострадал из-за этого, урок, однако, не пошел мне впрок – на этот раз точно такая же ошибка.

– Мы... я... как вас зовут? – теребя меня за руку, спрашивала подруга спасенной девушки. – Мы пойдем в облисполком, напишем, как все было, и вам дадут медаль. За спасение утопающих.

«Если учесть всех тех, кого я за эти годы из воды вытащил, то мне, пожалуй, положен уже орден, только жаль, что орденов таких не дают» – подумал я, а вслух, поднимаясь на ноги, сказал девушке: – Зовут меня Савва, и в нашем городе, милая моя, не облисполком, а всего лишь горисполком, так что самая лучшая медаль для меня – это поцелуй; заранее согласен, если это будете вы.

Девушка на секунду растерялась, огляделась по сторонам, затем, приблизившись, прильнула ко мне, и я тут же получил требуемую награду – поцелуй, правда, скромный, в щечку.

– Как зовут вашу подругу? – спросил я, в смущении отодвигая от себя девушку.

– Ее – Гульнара, – ответила девушка, – а меня Зульфия... Нет, правда, давайте я запишу вашу фамилию, я пойду в горисполком и потребую, чтобы вам...

– Тише, девушка, и пожалуйста, хватит об этом, не то меня засмеют друзья и знакомые, если услышат, о чем мы тут с вами говорим, – оглядываясь по сторонам, сказал я. К счастью, ни друзей, ни знакомых поблизости уже не было, лишь самые терпеливые зеваки, а также опоздавшие к представлению околачивались теперь рядом с нами, усиленно делая вид, будто они здесь оказались совершенно случайно.

– Сейчас первым делом, ее необходимо отвезти к врачу, – добавил я, наклоняясь к девушке, по-прежнему сидевшей на песке, и поднимая ее на ноги. Она оказалась на удивление легкой.

– Зачем к врачу? Я вижу, она в порядке... – развела руками Зульфия.

– Нет, обязательно надо показать ее врачу, – твердо повторил я. – Чтобы не оказалось потом, что в легкие попала вода, и тогда могут быть любые осложнения, вплоть до смертельного исхода. Сейчас я посажу вас в машину к кому-нибудь из моих знакомых и немедленно двигайтесь в больницу.

– Хорошо, – согласилась Зульфия, беря подругу за руку и спрашивая, как та себя чувствует. Подруга едва слышным голосом отвечала ей, что все в порядке, и она хочет побыстрее отправиться в лагерь, но состояние девушки было все еще слабым. То и дело поглядывая на спасенную мною Гульнару, я не мог для себя не отметить, что ее грудь, скрытая купальником, была не по фигуре крупной и полной. Зульфия же, как я также успел заметить, наоборот, была про-

порционально сложена, округлые и зрелые формы ее тела радовали глаз, и ей, на мой взгляд, не хватало лишь того, что в избытке имелось у ее подруги – бюст ее был относительно мал.

Страхнув с себя непристойные и совершенно не подходящие к месту и времени мысли, я, приобняв Гульнару, повел девушку к дамбе; Зульфия поддерживала ее под руку с другой стороны, хотя в этом не было нужды, так как девушка уже вполне пришла в себя, хотя, может быть, еще не оправилась от шока, по-прежнему оставаясь бледненькой, но при этом она уже то и дело улыбалась.

– Мы живем в студенческом городке, – поведала мне Зульфия дорогой. – А учимся в Казанском университете.

– Я так и думал, – улыбнулся я ей. – Зульфия, у меня к вам будет одна просьба.

Девушка с готовностью закивала.

– Как только ваша подруга выздоровеет, обязательно приходите в бар, – сказал я. – В противном случае мне придется вас разыскивать, а мне необходимо знать, что все закончилось благополучно. Вы меня легко там, в баре или ресторане, найдете, любой подскажет где я, только имя мое назовите. Вы его запомнили? Савва.

– Хорошо, – ответила девушка. – Обещаю, что мы вас обязательно найдем.

Через несколько минут на искусственной дамбе, которая отгораживает озеро от долины, по которой протекает речка Фрумоаса, мы остановили «жигуленок». Его владельцем оказался знакомый мне мужик, работающий водителем междугородного автобуса. Выслушав меня, он без слов посадил девушек к себе в машину и повез их в больницу. Я был уверен, что он сделает все как надо – привезет, еще и потребует срочно принять, – у него самого, как я знал, было двое детей, пожалуй, такого же примерно возраста. Перед тем как он тронулся с места, я еще раз шепнул Зульфие, что буду ждать их в баре ресторана в любой из ближайших дней.

– А какой это ресторан? Как он называется? – спросила та, высовываясь из окошка, когда машина уже тронулась.

– У нас в городе один-единственный ресторан, а бар расположен на первом этаже, – прокричал я ей вслед.

Это был уже третий по счету вечер, который я безвылазно проводил у Кондрата в баре; мой товарищ в который уже раз подшучивал надо мной, говоря, что не дожидаться мне уже тех девушек-татарочек, с которыми у меня случилось происшествие на озере, и предлагал этим вечером сколотить компанию с другими девушками – его знакомыми студентками-заочницами.

– Хорошо, – наконец согласился я, – если «мои» до десяти вечера не придут, будем заниматься «твоими» заочницами.

Оседлав стульчик-пуфик, стоявший на углу стойки прямо у двери, я пристроил перед собой пепельницу и закурил гаванскую сигару, подаренную Кондрату кем-то из клиентов.

Девицы, женщины и совсем молоденькие девушки, в сопровождении мужчин и без оных, чаще парами, а иногда небольшими компаниями, то и дело входили в бар, привлекая мое внимание, затем кто-то выходил, а кто-то оставался, заказывая напитки и присаживаясь за столики, одна мелодия сменяла другую, а я, приканчивая третью чашку кофе, уже стал терять надежду... Однако когда моя сигара уже почти догорела и в горле от курения и выпитого кофе появилось стойкое ощущение горечи, выяснилось, что я все же ждал не напрасно – среди вновь входивших посетительниц я увидел наконец «моих» девушек: это были Гульнара и Зульфия.

Признаться, в первую секунду я их просто не узнал, скорее догадался, что это те самые девушки, ведь встречались-то мы всего один раз, на озере, тогда обе они, да и я сам были в купальниках, к тому же и ситуация была – не приведи Господи – экстремальная. Девушки,

не сразу сориентировавшись в полутемном баре, обойдя меня, подошли к стойке; Зульфия, с интересом озираясь по сторонам, шла первой; Гульнара скромно держалась за спиной подруги.

– Вы кого-нибудь разыскиваете? – привстав со своего места, спросил я. Девушки увидели меня, Гульнара тут же покраснела и в смущении опустила глаза, а Зульфия воскликнула:

– А, ну вот мы вас и нашли. Здравствуйте, Савва!

– Здравствуйте, девчонки, – заулыбался я, победно подмигивая Кондрату. – Присаживайтесь вот здесь, рядом со мной. Как самочувствие, Гульнара? Когда пойдём на озеро купаться?

Гульнара засмузилась, а я осторожно прикоснувшись к ее руке, прошептал улыбаясь: «Шучу, шучу» и пододвинул к девушкам стульчики-пуфики. Едва они присели, Кондрат тут же поставил перед девушками бокалы и стал наливать в них шампанское.

– Я надеюсь, доктор уже разрешил вам пить веселые напитки? – спросил я, обращаясь к Гульнаре.

– Да... нет, я не знаю, – сконфузилась та.

– Савва, – вмешалась в наш разговор Зульфия, – я хотела вам сказать...

– Если вы опять про медаль, – перебил я девушку, – то я твердо решил: меньше чем на орден не соглашусь. А пока позвольте, я познакомлю вас со своим другом, нашим барменом, зовут его Кондрат. – Я вздохнул. – К сожалению, ничего хорошего о нем сказать не могу, потому что он... ну, вы сами понимаете, он мой лучший друг. А это, Кондрат, те самые девушки, о которых я тебе рассказывал.

Я назвал ему имена девушек, и Кондрат раскланялся с ними. Затем он налил мне и себе коньяку в миниатюрные рюмочки, после чего поднял свою, и слегка перегнувшись через стойку, наклонился и сказал Гульнаре:

– Ну, девушка, за твою вторую жизнь. Желаю прожить ее красиво, весело и беззаботно. – Кондрат выпил рюмку в один глоток, девушки пригубили из своих бокалов. Мы поболтали какое-то время о всякой всячине, затем Кондрат поставил медленную музыку, и я с Зульфией отправился танцевать; застенчивую Гульнару, которую я и сам еще стеснялся, мы усадили за дальний столик в углу бара и оставили одну.

– С первого взгляда может показаться, что Гульнара слишком стеснительная, – сказала Зульфия, медленно двигаясь и в танце притягивая меня за плечи вплотную к себе. – Но я открою тебе секрет, она просто немного замкнутая, вот и все. Но сегодня, – девушка сделала многозначительную паузу, – она не будет против, если ты поухаживаешь за ней. Так что удели ей внимание, – она прошептала эти слова, почти уткнувшись мне в шею губами. – Знаешь, она считает себя обязанной тебе. – Закончив эту тираду, она вдруг спросила: – У вас с другом случайно нет каких-либо планов на этот вечер?

– Если ты не будешь против ухаживаний моего друга, тогда мы, считай, договорились, – весело сказал я. – Потому что мы с ним всеми четырьмя руками – за.

Губы девушки тронула самодовольная улыбка, которую она тут же попыталась скрыть. Оставив Зульфию у стойки общаться с Кондратом, я отправился к Гульнаре: девушка сидела за двухместным столиком, положив на него руки ладонками вверх и рассматривала их.

– Ну, Гульнара, – сказал я, присаживаясь напротив девушки. – Если я не ошибаюсь, линия жизни на твоей ладони говорит о том, что жить тебе теперь до ста лет. – Протянув руки, я мягко взял ее ладони в свои. – Как ты себя чувствуешь?

– Я... простите, что напугала вас тогда. Зульфия сказала, что я вас чуть не утопила. Я почти ничего не помню. Спасибо за все.

– Пожалуйста, – улынулся я. – Знаешь, пожалуй, это было бы несправедливо – утонуть там вдвоем, да еще с такой симпатичной девушкой, причем даже не познакомившись с ней.

Мои слова вызвали улыбку на лице девушки. Следующие несколько секунд мы сидели, безмолвно разглядывая друг друга. Мой взгляд, к моему стыду, в первую очередь приковывала

ее грудь – крупная настолько, что тонкие лямки лифа едва ее удерживали. Третий размер, не меньше – пронеслось в голове, а то и вовсе четвертый. Я поднял глаза выше – модная майка на двух бретельках открывала оголенные смуглые плечи, руки девушки были худенькими, а кожа – гладкой, практически без волос. Затем я решился поглядеть ей в глаза... А хорошо разглядев их, от неожиданности обомлел: глаза у нее были необыкновенно красивые – раскосые, что не редкость для девушки из Татарии, но при этом совершенно необычные – яркие, с блеском; цвет золотисто-карий, к тому же мне показалось, что в этот момент они светятся, возможно, симпатией ко мне – мне было приятно так думать; или же девушка испытывает ко мне какое-либо другое чувство – пусть даже это и обыкновенное чувство благодарности.

Я с удовольствием продолжал разглядывать девушку: небольшая красивой формы головка, модная стрижка жестких черных волос под «сассон», небольшие аккуратные ушки, обычный прямой носик, губы средней полноты. В молчании прошло несколько минут, затем наши головы, словно по волшебству, сблизилась. Гульнара улынулась мне и прошептала:

– У тебя такие красивые губы...

– А у тебя – необыкновенные глаза.

– Мне ужасно стыдно, Савва, но я хочу... чтобы ты меня поцеловал, – еле слышно произнесла она. – Мне кажется, я ощущала уже эти губы, там, на озере.

– Да, – смешался я. – Только я не целовал тебя тогда, я просто... помогал тебе... дышать.

– Спасибо тебе, – Гульнара высвободила свои ладони из моих рук, после чего довольно сильно сжала их своими кистями и тут же отпустила. – Спасибо. Я тебе бесконечно благодарна.

Я взял и поднес ее руку к своим глазам, затем, разглядывая ее, сказал удивленно:

– Вот этой самой ручкой ты хотела меня утянуть за собой под воду? Руки-то у тебя сильные.

Руки ее от плеч и до кистей действительно были худыми, но в моменты напряжения на них выделялись четко очерченные мышцы.

– Просто я волейболом занималась, – оглядывая свои руки, виновато сказала Гульнара. – Десять лет в спорте, между прочим, призер Союза среди девушек, кандидат в мастера.

– Что ж это ты, – улынулся я, – такая спортивная, а плавать не умеешь?

– В моем городе нет реки, а потом, когда я стала заниматься в универе, тоже плавать некогда было. То есть, я плаваю, конечно, но плохо и недалеко, да еще быстро устаю.

Я склонил голову и прижал ее руку к своим губам.

– Ну что ты, Савва? – смущенно покраснела девушка. – Это я должна тебе руки целовать.

– Это наше мужское дело – дамам руки целовать. А ты – просто живи и радуйся! И обязательно научись хорошо плавать.

– Я научусь, – пообещала она. – Я тебе очень, очень благодарна.

– Если ты еще раз заикнешься о благодарности, – нарочито строгим тоном проговорил я, – то я попрошу тебя остаться со мной сегодня до самого утра. – И тогда я, то есть мы... наверняка утопим друг друга... в поцелуях.

– Хорошо, я, я... согласна, – выговорила Гульнара и стыдливо опустила свои прекрасные глаза.

– И ты не боишься утонуть в поцелуях?

– Н-нет, не боюсь, – ответила девушка, – я с тобой уже ничего не боюсь.

Вот это да! А я чуть было не сглупил, собираясь уступить эту девушку Кондрату. Зульфия, конечно, тоже очень интересная девушка, но если присмотреться, она ничем не лучше Гульнары, просто ее имя – Зульфия – напомнило мне другое, несколько с ним схожее. Альфия – так звали одну необыкновенно красивую девушку, мою любовь двухлетней давности, которая, кстати, была студенткой того же университета и родом из тех самых мест.

Не удержавшись, я спросил Гульнару, задав свой вопрос как можно равнодушнее:

– Знаешь, пару лет назад, когда ваши студенты так же, как и вы, работали в нашем городе, среди них была одна девушка по имени Альфия. Она была активистка, везде и во всех мероприятиях участвовала, даже с городской трибуны выступала, поэтому я ее и запомнил.

– Ты имеешь в виду... невысокая такая, яркая, красивая, и волосы черные?

– Да, – ответил я как можно беззаботнее, не акцентируя на слове «красивая», – пожалуйста, да, черные. Как у тебя.

– Я знаю ее, – кивнула девушка. – Она теперь секретарь комсомольской организации университета, на правах секретаря горкома. Учится на пятом курсе, весной выпускается. – Гульнара слегка надула губки и вопросительно посмотрела на меня. – А что, ты был с ней знаком?

– Да так, немного. – И добавил поспешно: – Она встречалась, будучи здесь, с моим соучеником, Гришей. Через него мы с ней и познакомились. И тоже, кстати, на озере. А запомнил я только глаза ее, они с твоими чем-то схожи.

– Пожалуйста, давай не будем больше о ней, – мягко попросила Гульнара. – Ладно? А то я сейчас ревновать начну. Разревусь еще.

«О боже, а ведь девочка действительно ревнует!»

– Нет-нет, что ты, – сказал я вставая и подавая ей руку, не показывая при этом, насколько мне ее ревность приятна. – Конечно, нет. Я не дам тебе повода для ревности и грусти, и уж тем более для слез.

Двумя часами позднее, когда мы с Гульнарой лежали в постели, а за стеной, в соседней комнате Кондрат развлекался с Зульфией, я бережно стянул простыню, которой Гульнара стыдливо прикрывала грудь, и сказал:

– Ты позволишь мне поцеловать ее?

– Конечно, милый, – Гульнара сдержанно засмеялась, – только там синяк, память от тебя, поэтому я стесняюсь.

Надо же, подумал я, зарываясь лицом в большие и упругие груди. Я же ее тогда, в воде, кулаком прямо в грудь саданул. Всю, можно сказать, избил: по лицу треснул, руку вывернул и даже на груди синяк оставил – хоро-о-оший был повод для последующего любовного приключения. Однако моим действиям есть оправдание – все это я сделал, спасая ее.

Новелла вторая. Конкурс ресторанов

Коктейль «Марионетка»

Светлый ром 20 мл.

Ликер абрикосовый 15 мл.

Херес сухой 15 мл.

Ликер вишневый 15 мл.

Слегка взбить со льдом, подать в бокале для коктейлей.

*Я не стыжусь и не таюсь,
когда палюсь в огне,
я сразу даме признаюсь
в ее любви ко мне
Игорь Губерман*

На часах, установленных в барной стойке, ровно пять пополудни. Пора, пожалуй, отправиться на обеденный перерыв, подумал я, и в эту самую минуту дверь, что ведет в фойе ресторана, приоткрывается, и я неожиданно для себя слышу голос директора общепита:

– Савва, можно к тебе?

Весьма удивившись столь необычному визиту, – Наина Васильевна редко появляется в баре, – я подошел к двери и распахнул ее настежь; «Мамочка» – так все работники общепита называют нашего директора, шагнула внутрь, быстро огляделась по сторонам, словно желая убедиться в том, что кроме нас двоих здесь никого нет, затем уставилась на меня глубоким и пронзительным взглядом своих темно-синих глаз, выдержать который было весьма непросто.

Высокая, полноватая, одетая в строгий серый костюм, всегда весьма уверенная в себе дама в самом расцвете бальзаковского возраста, на этот раз она казалась расстроенной и даже, по-моему, растерянной.

– Скажи мне, Савва, ты доволен своей работой? – спросила она.

Через силу улыбнувшись, я кивнул, но все же сердце от какого-то неприятного предчувствия сжалось.

– Конечно, – наконец выдавил я из себя.

– А мной?

– Еще бы, ведь вы нам всем здесь вместо мамы – всегда поможете, поддержите, защитите. А что – я в чем-то провинился, что-нибудь не так сделал?

– Нет, просто недавно я узнала, что на меня..., – Наина Васильевна вновь огляделась по сторонам, словно кто-то невидимый мог нас здесь подслушивать, – ...наш районный прокурор собирает компромат. – Она грустно улыбнулась. – Получается, что на этот раз я провинилась.

– А кто, вы думаете, заказчик компромата, кому это нужно? – спросил я, и сам испугался своего вопроса.

– Скорее всего, Первый, – ответила она спокойно, будто мой вопрос был чем-то само собой разумеющимся. – Он в последнее время стал на меня неровно дышать. Так что, думаю, его работа. Кстати, он ведь твой друг – наш первый секретарь райкома – не так ли?

Я подавленно молчал. Потом сказал:

– Какой я ему друг? Где он и где я? Вы же знаете, я – мелкая сошка, пешка на доске, ветерок дунет – пешку снесет, никто и не заметит...

– Скажи мне, если тебя прокурор к себе вызовет, что скажешь ему обо мне? Что я взятки беру?

– Бог с вами, Мамочка, – сглотнул я слюну. – Меня можете не бояться, я руку, протягивающую мне кусок хлеба, кусать не стану.

– Ну, смотри. – Мамочка тяжело вздохнула, затем бросила взгляд на свои наручные часы. – Пошли, я здесь для того, чтобы провести собрание. Люди уже собрались наверху, ждут.

Вместе мы поднялись на второй этаж. Там уже находились практически все работники ресторана, насколько я смог охватить их взглядом: повара, официанты и кондитеры. Составив стулья в несколько рядов, они расположились кучно, полукругом; в первом ряду сидели шеф-повар, заведующая кондитерским цехом, администратор. Напротив них, за столиком, держа корпус неестественно прямо, из-за чего в человеке сразу угадывалась военная выправка, одиноко сидел директор ресторана – худощавый седой полковник в отставке Николай Степанович Безбородов – он был в серо-голубом гражданском костюме, но с весьма внушительной колодкой орденов и медалей.

Скользнув между рядов, я присел на свободное место, тем самым влившись в ряды младшего персонала. Тем временем Наина Васильевна тяжелым шагом подошла к столу, за которым сидел Николай Степанович, оперлась на стол рукой и заговорила:

– Здравствуйте все. Я пришла сюда для того, чтобы сообщить вам приятную новость. Вот мы трудимся-стараяемся, а результатов нашей работы не видим... зарплату получаем, и всё. Короче, через неделю мы выезжаем на три дня в Кишинев – там сейчас проводится республиканский конкурс ресторанов. На время проведения конкурса мы получили в свое пользование ресторан высшей категории «Пловдив», который находится на Рышкановке. Один из лучших, заметьте, ресторанов в Кишиневе, да, пожалуй, и во всей республике. Так вот, на этом конкурсе мы должны себя показать во всей красе.

Действительно, очень неплохой ресторан, подумал я. Мне, во всяком случае, он понравился, и я имел с чем сравнивать, так как у меня была возможность изучить все столичные рестораны. «Пловдив» понравился мне своим расположением – он несколько удален от центра города, что удобно сразу по нескольким причинам, а также интерьером, кухней и обслуживанием.

– Мы повезем с собой все – продукты, форму, музыкальные инструменты. Но самое главное в конкурсе, конечно же – кадры, которые, как известно, решают все, – вымученно улыбнувшись, продолжала Мамочка. – А кадры – это вы. На вас, дорогие товарищи, вся надежда и всего одна просьба – не подведите. – И, сразу, без паузы, продолжила: – Распорядок таков: один состав, работающий в ресторане, выезжает на конкурс, другой – остается и работает с двойной нагрузкой, то есть не через день, а каждый день. – Волна недовольного шепота в зале. – И двойной зарплатой, – повысила голос Мамочка. – Наиболее достойные получают премии. Но для нас, как вы понимаете, главное – престиж. Все заведующие производствами оставляют на местах своих заместителей и выезжают для работы на время конкурса простыми поварами. Это всё. Остальные вопросы – в рабочем порядке. Да, бармены Молдавии в этом году, заметьте, впервые, тоже будут соревноваться, – вновь улыбнулась она. – Так что и здесь мы собираемся претендовать на призовое место. Ты как, Савва, готов, настроен побороться?

Я мгновенно представил себе ситуацию – необходимо будет принять чужое оборудование, затем две ревизии: вначале получить, а затем сдать продукцию, и под конец – инвентаризация: пересчет ложек, вилок и стаканчиков. И все это в течение двух-трех дней. То есть, другими словами, буду привязан к бару – головы не поднять, на девочек не поглядеть. А девочки-то в Кишиневе – известное дело – все столичные, и почти все поголовно красавицы! Не зря ведь по всей стране и даже в Москве говорят: Кишинев – город невест.

– А знаете что, Наина Васильевна, у меня есть встречное предложение: давайте молодежь выдвигать, – отозвался я. – Вот, например, Жорик – молодой, подающий надежды бармен – честолюбивый и толковый. Пусть он и поедет в качестве конкурсанта.

В зале повисла гробовая тишина; мало кто из здесь присутствующих слышал, чтобы Мамочке так нахально противоречили.

– Означает ли это, что тебе теперь дано решать, кто поедет на конкурс, а кто нет? – произнесла, наконец, Мамочка. Голос ее был грозен и ничего хорошего мне не предвещал. – Мы рассчитываем на призовое, если не на первое место в республике, да будет тебе известно. Сорвать нам мероприятие хочешь? – Она помолчала, потом неожиданно согласилась: – Ладно, пусть будет так, но ты все равно поедешь – будешь моим личным посыльным, ты ведь в Кишиневе все и всех, вплоть до министров знаешь, так что тебе предстоит оперативные вопросы решать. Как-никак ты у нас значимая личность – золотой фонд общепита.

Последнее было сказано весомо, но в то же время с легкой иронией, хорошо хоть без издевки. Никогда у нашей Мамочки не поймешь, как она к тебе на самом деле относится.

– Конечно, вот это – по мне, – с фальшивой радостью в голосе воскликнул я.

– На этом, считаю, можно и закончить, – сказала Мамочка, – остальные вопросы, повторюсь, будем решать в рабочем порядке.

В пять утра назначенного дня мы – сборный коллектив ресторана – выехали в Кишинев: грузовик-будка вез в мешках, ящиках и контейнерах продукты и напитки – все необходимое, кроме разве что хлеба, а также музыкальную аппаратуру; автобус «Лаз», заказанный в автопарке, принял людей. Перед отправлением Мамочка, построив нас около автобуса, обратилась к нам с напутственным словом и еще раз напомнила всем о чести и долге.

– Я приеду завтра, – пообещала она, грозно подняв вверх указательный палец. – А может быть, еще и сегодня вечером. Без призового места не возвращайтесь – поувольняю тогда всех к чертовой матери.

Попрощавшись, Мамочка укатила куда-то на своем служебном «жигуленке», а наш автобус тронулся.

Уже спустя несколько минут после отъезда официанты, повара, музыканты и бармены, переглянувшись между собой, стали доставать из сумок бутылки и закуски. «Передайте стакан», – послышался чей-то хриплый голос; «Я водку с утра пить не могу, только вино, ну, в крайнем случае, коньяк», – вторил ему другой, женский; «Колбасу могли бы и дома нарезать, что же ее теперь, откусывать?» – «Ножа-то нет», – послышалось в ответ. – «А бутылку чем открывали?» – «Зубами, естественно».

Мы с Кондратом, – он, так же, как и я, ехал на конкурс, и тоже непонятно в каком амплуа, а пока просил меня считать его своим ассистентом, – сидели, удобно расположившись на заднем сиденье. После приличного возлияния с основательным перекусом мужики, повеселев, сгруппировались вокруг нас и уселись играть в триньку – самый любимый и распространенный в нашем городе вид мужского времяпровождения; а женщины, чтобы и нам не мешать, да время с пользой употребить, перешли в переднюю часть автобуса, где они могли спокойно посплетничать.

Кондрат занимался тем, что глядел в окно, – в карты он не играл. Стали раздавать карты и вскоре я, взяв инициативу в свои руки, почти все время банковал. Сдавая в очередной раз карты, я фальшиво вздыхал:

– Ой, и откуда вы на мою голову взялись, такие везучие. Ох, знал бы, с кем связываюсь, с самого начала играть бы отказался.

Партнеры – музыканты и официанты – напряженно следили за моими руками, а я, ничуть не махлюя, продолжал выигрывать. Когда в моем кармане скопилось сотни три лишних рублей, оппоненты зашевелились, заговорили возмущенно: «Да ну его к черту, этого Савву», «связались на свою голову», «хватит ему деньги дарить, Савва и так не страдает от их отсутствия».

– Столица, братцы, требует больших расходов, – говорил я, распахивая очередной выигрыш по карманам. – Вот вы, например, едете зарабатывать, а я лично – тратить.

Болтал впустую, а ведь как в воду глядел – так оно впоследствии и вышло, денег в Кишиневе я поистратил изрядно, почти ничего при этом не заработав.

Отложив карты в сторону, стали травить анекдоты, кое-кто от скуки вновь потянулся к бутылкам. Когда въезжали в Кишинев, некоторых из ребят пришлось тормозить и будить – тех, кто накануне выпил лишнего.

«Пловдив» – ресторан высшей категории. Уровень – соответствующий, цены приличные, и спрос с нас, конкурсантов, тоже немалый. Среди отправившихся на конкурс специалистов было четверо барменов: Слава Карась, работавший буфетчиком в кафе «Спутник», что при автовокзале, а также действующие бармены обоих баров: Кондрат, его напарник Жора и я. Кстати, кафе, в котором работал Слава, кроме основного, имело сразу два дополнительных народных названия. Первое: «Школа мужества», – так как располагалось оно всего в нескольких десятках шагов от воинской части, и второе – «Женские слезы». (Без комментариев). Славе во время конкурса предстояло работать на самом ответственном участке – высокое начальство обслуживать, ведь он у нас универсал-бармен и официант экстра-класса, могу лишь с гордостью за товарища повторить, что мы с ним одноклассники. Жоре, как мы помним, предстояло в конкурсе барменов участвовать, ну а нам с Кондратом, похоже, предназначалась роль мальчиков на побегушках.

Едва приехали мы на место – и сразу для всех нашлось дело. Я отправился на кухню мясо рубить – профессионального рубщика мяса по халатности с собой не захватили. С непривычки я конечно умаялся, – пришлось помахать топором с восьми утра чуть ли не до полудня практически без отдыха, но зато я за это время целую говяжью тушу искромсал. Затем, наскоро сполоснувшись в душевой, я отправился к входу – поглазеть, как все будет происходить; весь город накануне оклеили объявлениями о конкурсе, и теперь целое скопище народу собралось у дверей в ожидании открытия.

В ресторане в этот день все блестело и сверкало: и новая, с иголки, форма швейцара, стоявшего у входа, и накрахмаленные шапочки у поваров и белоснежные фартуки у официанток; цветы в вазах украсили каждый столик; на каждом из них лежали огромные красочные меню в несколько страниц.

Итак, ровно в полдень половинки парадной двери распахнулись и залы ресторана мгновенно заполнились посетителями.

– А ты почему без дела слоняешься, Савва? – придержала меня за рукав замдиректора нашего общепита Марья Ивановна. – Ты разве не знаешь, что у нас каждый человек на счету. Немедленно хватай меню, бери себе три, нет, четыре столика и помогай девочкам-официанткам, видишь – они не справляются.

– Я – официантом? – удивился я.

– Ну конечно, – подтвердила Марья Ивановна. – Почему бы и нет? Покажи класс. – И, развернувшись на высоких каблучках, ушла своей грациозной походкой.

Она надо мной насмехается, решил я про себя, однако делать было нечего. И я, наскоро облачившись в костюм и рубашку с бабочкой, которые на всякий случай все же захватил, поплелся в общий зал. Схватил первое попавшееся в руки меню, открыл его и чуть не ошалел, глаза мои при этом полезли на лоб: наименований там было около сотни, и размещались они на целом десятке страниц – некоторые мне были совсем незнакомы и непонятны: то ли это первое, то ли закуска, то ли и вовсе десерт. В растерянности я огляделся по сторонам: всем официантам досталось по пять столиков, я же благоразумно выбрал себе три еще не охваченных коллегами, правда, расположенных в самом дальнем конце зала, решив, что для дебюта этого будет вполне достаточно. На моем участке работали еще две девушки – Светлана Антипкина и Нина Бобош, работницы вполне профессиональные и хорошо ко мне относившиеся, и я знал, что

в случае чего всегда могу рассчитывать на их помощь и уж тем более подсказку. Тем временем работа в зале закипела: клиенты валом валили, нередко приходили сразу целыми компаниями, одни едва успевали покинуть ресторан, как тут же их места занимали другие. За время обеда – в течение четырех часов – я успел обслужить 13 компаний общим количеством почти в полсотни человек, другим же официантам работы досталось вдвое, а то и втрое больше. Подходя к столику, я первым делом с улыбкой здоровался, затем подавал даме, если таковая имелась в компании, меню, если же нет, старшему по возрасту мужчине. После чего, принимая заказ, тщательно записывал все в блокнот, так как на свою память, в отличие от профессионалов, не надеялся. Если клиент, что-либо заказывая, указывал пальцем в меню, я с улыбкой заглядывал туда же вместе с ним, потому что видел меню, также как и он, впервые. Совместными усилиями мы, наконец, составляли заказ, после чего я спешил на раздачу. А там царил суевея и анархия: если в любом другом, уже слаженном коллективе, будь то кафе, столовая или ресторан, существует какая-то иерархия, дисциплина и определенный, наработанный годами порядок, то в нашем случае каждая повариха была, по сути, заведующей производством – поэтому все, естественно, пытались командовать, и очень скоро кухня начала давать сбои. Для примера: официантка Светлана Антипкина, которую, несмотря на длинный язык и скандальный характер, тоже взяли на конкурс – за приличную внешность и умение хорошо работать, влетала на раздачу, где я смиренно дожидался выполнения своего заказа, и кричала поварихам:

– А ну вы, сучки толстозадые, пошевеливайтесь, клиент ждет.

«Сучки» – почтенные 30—45-летние раздобревшие от хорошей и спокойной жизни руководительницы производств, злобно поглядывали на нее, но ругались втихомолку – не заводят же склоку прямо на раздаче.

Рассчитывая первую компанию, состоявшую из четырех мужчин, я написал им в счете итоговую сумму – 37 рублей.

– Ты что, бесплатно решил сегодня поработать? – сверившись с меню, удивленно спросил меня один из них, бывший в компании за старшего, затем протянул мне пять червончиков: – Спасибо за хорошее обслуживание, сдачи не надо.

Приняв деньги, я тут же подал им огромную, в полстола величиной красную книгу отзывов:

– Будьте добры, не откажите в любезности, оставьте нам свой автограф, пожалуйста.

Товарищ, испросив ручку, стал писать в книге благодарность.

– Как давно вы работаете официантом? – спросил он, возвращая мне книгу и ручку.

– Первый день в жизни, а что?

– Да так, ничего, – удивленно переглянулся он со своими товарищами, решив, наверное, что я шучу. Теперь каждому клиенту я вместе со счетом приносил книгу отзывов и предложений, и она стала быстро заполняться записями; писать люди не отказывались, некоторые с увлечением фантазируя, заносили в книгу витиеватые благодарности и отзывы. Когда закончился обед, и нам разрешили покинуть зал, я отправился в комнату отдыха, где без сил повалился на диван.

– Ну вас к чертям, ребята, – сказал я коллегам-официантам, уже там находившимся. – Ноги совсем отказываются ходить. Вы что, и в самом деле каждый день так работаете?

Коллеги сочувственно заулыбались.

Спустя какое-то время к нам присоединился Кондрат.

– Где мы сегодня будем ночевать, коллега? – поинтересовался я у него.

– Говорят, в каком-то общежитии, – пожал он плечами.

– Что? – Я даже привстал с диванчика. – Мы – и в каком-то сраном общежитии? Да ни за что. Давай готовить запасной вариант.

Уже через несколько минут мы с Кондратом, покинув ресторан и поймав такси, отправились по хорошо знакомому нам адресу – к гостинице «Турист». Без труда, но, естественно,

с доплатой, сняв два номера на втором этаже, мы приняли душ и, спустившись в вестибюль, собрались уже уходить, когда я обратил внимание на элегантную молодую женщину в длинной шерстяной юбке в клетку и легкой кожаной курточке, стоявшую у стойки администратора. Она разговаривала с работницей гостиницы, и из их разговора я услышал лишь несколько слов: «Вы мне дали номер 712, – говорила женщина, – но там ужасно накурено, могу я вас попросить поменять его на другой?». Работница отрицательно покачала головой, после чего, потеряв к собеседнице всякий интерес, занялась своими делами. Я, разглядывая женщину, успел заметить, что та обладала изящной фигурой и приятным лицом, обрамленным светло-каштановыми слегка вьющимися волосами. «Господи, это же мой любимый женский тип!» – только и успел подумать я, как мое тело абсолютно безосновательно отозвалось сладостным томлением. Тем временем заинтересовавшая меня женщина отошла от стойки администратора, но, сделав пару шагов, остановилась в нерешительности. Это и дало мне шанс к ней подойти.

– Извините, вам, как я случайно услышал, требуется помощь в устройстве? – улыбнувшись, спросил я. – У меня тут заместитель директора хороший друг, скажите, что надо сделать, он все, что вы пожелаете, исполнит.

– Нет, спасибо. Не стоит беспокоиться, молодой человек, – ответила женщина, мило улыбнувшись в ответ. – У меня все в порядке. – Сказав это, она еще раз улыбнулась и ушла. Я проводил ее взглядом, походка ее от бедра с легким покачиванием таза была фантастически соблазнительной. Я, выразительно поглядев ей вслед, указал на нее Кондрату, который, согласно прикрыв глаза, мне утвердительно кивнул.

– Ну что ты мне киваешь? – сварливо спросил я своего товарища, расстроенный из-за того, что дамочка не пожелала воспользоваться моей помощью и, тем самым, не дала мне шанса с ней поближе познакомиться. – Если бы она мне вот так же кивала, вот это было бы да.

– Ты бы, конечно, был бы не против, если бы вся женская половина человечества тебе согласно кивала, – пробормотал он, и я уже открыл, было, рот, собираясь ответить ему какой-нибудь колкостью, как вдруг понял, что он, пожалуй, прав, и смолчал, а несколькими секундами позже рассмеялся и сказал:

– Ты как всегда, прав, брат мой.

Больше нам в гостинице делать было нечего, и мы поспешили назад в ресторан. А вечером, в районе 19 часов, в ресторане появилась Мамочка, которая сообщила нам, что в банкетном зале в самое ближайшее время ожидается банкет для министерских и управленческих работников с халявным, то есть бесплатным угощением, на котором, собственно говоря, и решалось, кто какое место в конкурсе займет. И тут вдруг выяснилось, что фразе – вилки, ложки и ножи, приготовленные к обслуживанию высокого начальства, не соответствуют: на столе, оказывается, должно быть исключительно серебро. Вместе с Кондратом мы были экстренно командированы за серебром в другой ресторан, – Мамочка по телефону предварительно договорилась с его заведующим. Так как времени было в обрез, мы поймали такси и вскоре были на месте, но по приезду туда выяснилось, что необходимого количества фразе в этом ресторане нет, к тому же на вид оно показалось мне каким-то малосимпатичным. Пришлось на свой страх и риск вновь отправляться на поиски – благо, мы с Кондратом знаем в Кишиневе все без исключения рестораны. Потратив час с лишним, мы объехали пять точек, но успеха это нам не принесло. Наконец, в одном из банкетных залов мы нашли, что нам требовалось, и в достаточном количестве, однако, кроме специальной расписки осторожная администратор взяла с меня еще и денежный залог в пятьсот рублей; хорошо хоть, что требуемая сумма у меня была с собой – наскребли вместе с Кондратом. Минуту спустя мы уже неслись на такси восвояси, на коленях я держал тяжелый ящик с приборами, и все же мы едва успели к сроку.

И вновь по приезду мне пришлось включиться в работу и обслуживать свои три столика, только теперь, вечером, компании посетителей, к моему удовольствию, уже не менялись столь

часто. Это дало мне возможность подсовывать книгу отзывов практически всем своим клиентам без исключения, и она быстро заполнилась всевозможными хвалебными записями.

Тем временем в банкетном зале уже всю гуляла солидная министерская публика – еще бы, ведь банкет был наперед оплачен нашим общепитом. Из obsługi там «блистал» наш лучший официант Славка – настоящий ас своего дела, несколько лет до этого ходивший на кораблях по Дунаю за границу. Он обслуживал высокое начальство в «обнос» – все остальные официанты с трудом представляли себе, как это делается. У нас же, в общем зале, все шло своим чередом: пока я приобретал «бесценный» опыт работы официантом, Кондрат тоже времени зря не терял, а «снял» на первом этаже в баре двух длинноногих местных «козочек» и теперь методично накачивал их шампанским, развлекая анекдотами и байками. Я же для бодрости духа хватанул в буфете 150 граммов коньяка, после чего напряжение сразу спало, и работать стало легче. Я даже вспомнил ту хорошенькую женщину, что встретил в фойе гостиницы, и на душе от этого стало совсем хорошо, мне почему-то показалось, что, возможно, мне посчастливится вновь увидеть ее.

К одиннадцати вечера я рассчитал всех своих клиентов и уже собрался было на этом завершить работу, когда в зал вошли три девицы в сопровождении одного парня, и эта компания с ходу заняла один из моих столиков. Едва я успел подойти к ним, как парень заказал бутылку шампанского. Я принес, откупорил бутылку и стал наливать шампанское в фужеры, заодно разглядывая девушек, и лишь теперь заметил, что одна из них мне знакома – девушку звали Ирина, еще недавно она была жительницей нашего города.

– А что вы, Савва, здесь делаете? – тоже узнав меня, спросила Ирина, улыбаясь. – Вы что, перебрались в Кишинев?

– Временно, – ответил я, останавливаясь напротив и глядя ей прямо в глаза. – Только для того, чтобы навестить старых друзей... и подруг.

Мой ответ девушку несколько сконфузил, и она смолкла. А дело было в том, что мы с Ириной были хорошо знакомы и даже, если можно так сказать, дружны – но не близки, нет: за время нашего знакомства, который охватывал период сроком примерно в полгода, эта девушка, одаривая меня надеждами и обещаниями, несколько раз весьма изобретательно упорхнула из моих рук, что в итоге очень больно ранило мое самолюбие. Любой, увидев ее, мог бы меня понять: Ирина была высокая, стройная, привлекательная шатенка, и улыбка ее, кокетливая и озорная одновременно, словно звала: «Ну, иди же за мной, не пожалеешь». Появляясь в моем баре с периодичностью примерно два раза в неделю, эта девушка почти всегда была одета в один и тот же желтый обтягивающий батник при черной юбке, который, надо признать, был ей весьма к лицу, за что и получила у нас с Кондратом прозвище «Желтый цыпленок». Общаясь со мной, она откровенно кокетничала и призывно улыбалась, при этом охотно угощалась, выпивая бокал-два шампанского, после чего, когда я уже раскатывал губу в предчувствии интимного продолжения, исчезала, и это повторялось неоднократно. О том, как у нас с ней развивались отношения, можно написать отдельный рассказ, но эти самые отношения, увы, ничем не завершились – Ирина так и не попала в мои любвеобильные объятия, а потом, месяца два или три тому назад девушка и вовсе исчезла из нашего города, и, как теперь выяснилось, жила постоянно в Кишиневе.

Но... я все же не могу удержаться и займу внимание читателя всего лишь одним, последним эпизодом из наших с ней отношений.

Время было позднее, немногим за полночь. Я провожаю Ирину домой – она, как я знал, снимала комнату в трехкомнатной квартире в одной из 4-этажек в районе Липованки, где вместе с ней жила бездетная семейная пара среднего возраста. Выбив из меня честное слово, что я не буду настаивать на том, чтобы войти вместе с ней в квартиру, Ирина стала ключом открывать дверь – я уже получил от нее прощальный поцелуй в щечку. Внезапно я решил: или сейчас, или никогда. Сделав шаг по лестнице вниз, я стал медленно опадать на ступеньки, хватаясь

рукой за грудь в области сердца, пока не замер в неудобной позе навзничь. Ирина, вскрикнув, возвращается, подходит, берет меня за руку и с тревогой спрашивает: «Что, Савва, что с тобой, тебе плохо?» Голос у девушки испуганный и это меня радует. «Да, – шепчу я, оттягивая ворот рубашки. – Сердце. Дай таблетку, валидол, что-нибудь, воды. Ну же, скорее». – «Да-да, сейчас», – произносит она, затем бежит к двери и исчезает за ней. Я тут же вскакиваю и ныряю следом. Врываюсь в незнакомый мне коридор, как говорят военные, на плечах противника. Тут мы и столкнулись с Ириной – она как раз спешила ко мне со стаканом воды в руке. Я беру из ее рук стакан и ставлю его на трюмо, после чего хватаю девушку в охапку и волоку ее в зал. Глаза ее округляются от ужаса.

– Я буду кричать, – шепчет она мне в самое ухо. – Отпусти меня сейчас же, Савва.

Но, ощутив в своих руках ее стройное гибкое тело, я мгновенно загораясь желанием, втаскиваю девушку в зал, где с восторгом убеждаюсь, что в комнате кроме нас, никого нет.

– Тут кричи, иль не кричи, не услышат нас в ночи, – шепчу я ей на ухо, и пытаюсь повалить девушку на диван. Она сопротивляется изо всех сил.

– Как ты не понимаешь, что сейчас сюда заявится хозяйка квартиры, – чуть не плача шепчет Ирина, отбиваясь от моих рук. – Она даже днем в гости не разрешает никого приводить, а тут ты, ночью, да еще на моем диване.

– Кричи и зови, делай что хочешь, – говорю я, начиная ее раздевать, от близости ее тела кровь ударяет мне в голову и в другие, нижние части тела. Через несколько минут я, изрядно вспотев, раздел девушку до белья и, теряя остатки терпения, бросаюсь на нее. И как раз в эту минуту в комнате загорается яркий свет.

Мы с Ириной в растерянности садимся в постели, и, ослепленные, с удивлением озираемся по сторонам. И тут она вдруг произносит:

– Мама? А ты откуда здесь?..

«Мама?!» Меня молнией пронзает ужас, затем волной набегают первобытный страх и еще почему-то дикий восторг. К нам, раздетым почти догола – я в трусах, Ирина тоже в трусиках и уже без лифчика, – направляются двое – мама, а за ней мужчина – должно быть папа Ирины; при этом, следует отметить, на них тоже немного одежды – мама в ночнушке, а папа, как и я, в одних трусах.

– Вот ты здесь чем занимаешься, дочечка, – подходя, замахивается на Ирину мама – женщина, надо признать, довольно высокая ростом и крупно скроенная. – А я ведь тебя учиться сюда посылала, специально квартиру сняла, а ты... Сучка!

Ирина прикусывает губу, затем, всхлипнув, прикрывается покрывалом и отворачивается к стене, однако я успеваю заметить, что у нее небольшие, но прелестные, в форме яблочек, груди.

– А это кто? – указывая на меня пальцем, спрашивает папа – невысокий, худощавый мужик лет 45, он явно в растерянности и не знает как себя в этой ситуации вести.

– Я, что ли? – переспрашиваю я. – Как кто? Жених.

Папа и мама, а вслед с ними и Ирина втроем удивленно вытаращивают на меня глаза.

– Какой жених? – восклицает мать.

– Как какой? – отвечаю я. – Самый обыкновенный. И, как видите, вполне солидный.

– Он что, твой жених? – поворачивается мать лицом к дочери, в ее голосе звучит пренебрежение, и я, слегка обидевшись, спрашиваю ее:

– А что, мамочка, чем это я вам не нравлюсь?

– Женихи у матери с отцом руку девушки просят, а не по чужим квартирам шастают с целью попользоваться ею, – громовым голосом заявляет мать.

– Во-первых, мамочка, ваша дочь не сучка, а приличная девушка, просто я вошел в квартиру обманным путем, – признался я. – К тому же, заметьте, в первый раз за полгода нашего с ней знакомства вошел. А во-вторых, я не собирался ее насиловать, у нас с Ириной, можно

сказать, чувства, а в-третьих, чего это вы о будущем зяте так пренебрежительно; нельзя так, уважаемая, зятьями бросаться, неизвестно еще, кем я стану завтра.

– Ага, как же, – начинает понемногу успокаиваться мама, – знамое дело, профессором ты завтра станешь. – Она, тем не менее, начинает всматриваться в меня уже с некоторым интересом. – Так вы что же, не живете, значит, вместе не спите? – с грубоватой прямолинейностью спрашивает она, внимательно оглядев нас обоих.

– Пока нет, – неохотно отвечаю я, подмигнув вконец уже ошарашенной Ирине.

Тут наш разговор прерывается появлением в комнате еще двух персонажей – это была вновь пара: мужчина и женщина. По сравнению с нами эти были хоть частично одеты – мужчина в брюках, женщина в халате.

Хозяева квартиры, понял я. Теперь все в сборе. Представляю себе собственный вид: в одних трусах, лицо красное, перекошенное – вначале от возбуждения, а теперь вот от стыда.

– Вот каков он, Сережа, наш будущий зятек, – с каким-то даже, как мне показалось, восторгом в голосе говорит мама Ирины, обращаясь к мужу.

– Дай-ка я ему по шее накостыляю, – не разделяя ее восторга, запоздало рвется «в бой» мой «будущий тесть», но она одним лишь едва заметным взмахом руки тут же его легко останавливает.

Хозяева квартиры с интересом на нас с Ириной посматривают, перешептываясь между собой, а она, всхлипывая, под покрывалом натягивает на себя блузку и юбку. Я же, отодвинувшись вглубь дивана, прикрываюсь краешком покрывала, – до своих вещей, валяющихся на полу, мне не дотянуться.

– Этого парня я что-то никогда раньше не видела, – говорит хозяйка дома, невысокая полная крашеная блондинка лет сорока.

– Нет, и я не видел, – близоруко глядяваясь в меня, подтверждает ее муж, мужчина ростом чуть повыше ее, с заметным брюшком. – В нашем районе я его не встречал.

Хозяева и родители Ирины начинают спорить, что делать дальше: то ли милицию вызывать, то ли просто выгнать меня на улицу, но прежде надавать тумаков.

– Давайте-ка лучше ложиться спать, дорогие мама, папа и уважаемые хозяева, – фальшиво зевая, заявляю я. – Утро вечера мудренее, и на часах, между прочим, уже второй час ночи. А завтра мы с вами во всем разберемся.

Все в растерянности смотрят друг на друга, потом на меня, затем мама с оскорбленным видом говорит:

– Это что же получается, я собственными руками должна свою дочь в постель с тобой уложить?

– Нет, зачем же, – отвечаю я. – Я могу до утра и с папой поспать, а там видно будет.

В легком замешательстве проходит минута-другая, затем все соглашаются что это – наилучший вариант. Мне предложено остаться все на том же диване, только хозяйка достает из него и стелет свежее постельное белье. Ко мне вместо Ирины напарником отправляется папа, сама она идет спать к маме; хозяева уходят к себе в спальню.

Когда все разошлись и выключили свет, папа, поворчав немного, и поворочавшись с боку на бок, начинает рассказывать:

– Мы приехали накануне вечером из Кишинева, а туда добирались из Бричан. Прямоком сюда заявились, гостинцы там, и все прочее – полные руки. Так и шли пешком от самого автовокзала, автобус же сюда не ходит. А Ириши дома нет – она с тобой, оказывается, болталась.

– Я на работе был, – перебил его я, – а она – таки да, где-то болталась.

– Ну, так вот, – продолжил папа. – Познакомились с хозяевами, перекусили, выпили по паре стаканов вина, потом прошлись немного по городу, но не представляли себе, где дочку искать, города ведь не знаем, поэтому назад вернулись, думали, Ирина к этому времени тоже вернется. Хозяева – добрые, я бы сказал чудесные люди, сказали, чтобы мы не беспокоились,

дело, мол, молодое, и она придет попозже, затем опять за стол посадили. Еще выпили. И в половине первого спать пошли, хотя и волновались очень за дочь. Только уснули – тут вы явились.

– Давайте спать, папаша, – сказал я, усердно подтыкая между нами одеяло. – У нас много времени впереди, например, завтра, и я с удовольствием вас послушаю.

– Что ж, давай спать, зятек, – согласился он.

Он уже похрапывал на своей половине дивана, а ко мне сон все не шел, и я все глубже вжимался в щель между стеной и диваном. Уснул я, кажется, перед самым рассветом.

Я открыл глаза, когда все обитатели квартиры уже были на ногах. Одетые, они бродили по комнатам, стараясь не шуметь, лишь перешептывались между собой и на меня опасно поглядывали.

Выбрав момент, когда в комнате никого не оказалось, я торопливо оделся.

– Доброе утро, – слышались голоса, и все мои ночные собеседники одновременно вошли в зал, последней заявила Ирина. Опустив вниз свои слегка припухшие, очевидно после бессонной ночи, глаза, она все время молчала и держалась за маминой спиной.

Из кармана своего фирменного красного замшевого пиджака, висевшего на стуле, я достал пачку денег, от которой «отстегнул» и небрежным жестом протянул хозяину квартиры четыре десятки.

– Будьте добры, любезный, – сказал я. – Сходите в магазин, возьмите две бутылочки и чего-нибудь на ваше усмотрение закусить.

– Водочки? – с готовностью спросил хозяин, принимая деньги.

– Лучше коньячку, если он не вреден вашему желудку, – сказал я.

– А жених-то действительно солидный, – сказала, ни к кому не обращаясь, хозяйка квартиры и отправилась на кухню хлопотать о закуске.

Когда хозяин вернулся с покупками, мы шестером уселись за стол переговоров, уже накрытый к раннему обеду. Посидели, выпили, поговорили о том, о сем, а без четверти двенадцать я встал и сказал:

– Прошу у всех извинения за беспокойство, причиненное вам ночью, а сейчас я должен идти работать.

– А где ты работаешь, дорогой зятек? – спросил уже заметно повеселевший к этому времени «папа» Сережа.

Супруга поглядела на него с неудовольствием и даже дернула за локоть.

– Ирина вам все про меня расскажет, а я пойду. Рад был со всеми вами познакомиться. – С этими словами я надел пиджак и откланялся.

Впоследствии никого из присутствовавших при том разговоре я больше не встречал, а Ирину вот, по прошествии нескольких месяцев после той истории увидел здесь, в ресторане.

Спустившись на первый этаж в бар, я обнаружил Кондрата веселым и уже прилично пьяненьким. Длинноногие девушки по-прежнему были при нем, их румяные щечки, веселые глазки и возбужденные голоса красноречиво говорили об их готовности к продолжению общения. Разглядев обеих девушек получше, я не мог сказать, что остался от них в восторге, решив, что они излишне вульгарны, из-за чего заказал у бармена Жоры и выпил еще сотку коньяку. «Я скоро буду», – шепнул я Кондрату на ухо, он кивнул, а я отправился назад, в зал. За время моего отсутствия Ирина уже успела, видимо, кое-что рассказать своим друзьям о наших с ней отношениях, потому что они встретили мое появление улыбками и добродушными смешками. Тогда я, обидевшись и не желая быть объектом насмешек, решил больше не подходить к ним, а присел за столик официантов, а вскоре парень из их компании встал и подошел, чтобы рассчитаться, после чего они ушли.

В банкетном зале, где гуляли торговые хозяева, то есть руководители республики, еще слышны были долгие прочувственные тосты, перемежающиеся музыкой и взрывами хохота, а мы, официанты, рассчитав и проводив последних клиентов, свою работу на сегодня закон-

чили. Напоследок девушки – официантки с поварами – позвали меня в маленький закуток рядом с кухней, где мы выпили каждый почти по полному стакану кто водки, кто коньяка (из представительского фонда, как объяснили мне они), после чего все заторопились на ночлег, предоставленный нам в одном из общежитий городского торга.

Мы покидали здание ресторана целой группой, Кондрат вывел из бара на улицу своих девушек, поймал такси, и теперь, сажая их в машину, призывно махал мне рукой; неподалеку от нас ловила такси компания Ирины.

Тем временем подросли еще две машины с шашечками, а следом за ними еще две, теперь такси должно было хватить на всех.

– Савва, я могу поехать с тобой? – спросила неожиданно откуда появившаяся рядом Ирина, когда я уже садился в одну из машин.

– Это еще зачем? – не слишком вежливо спросил я.

– Ну, может, вместе время проведем, – растерялась она от моей грубости.

– Ага, милочка, ты что же, будешь теперь везде, где только можно, мне кайф портить – и там, дома, а теперь еще и здесь, в Кишиневе, – недовольно пробормотал я, после чего Ирина с весьма огорченным видом отошла от машины.

В эту же секунду рядом с моим такси остановилось другое, из окна которого высунулся Кондрат. Он делал мне какие-то знаки, но я махнул ему рукой, показывая, чтобы он отправлялся.

– Шеф, в «Турист», – сказал я своему водителю. – Постарайся, пожалуйста, при первой же возможности оторваться от всех остальных.

– Будет сделано, – весело отозвался водитель, молодой парень, и машина, взвизгнув скачками, сорвалась с места. На ближайшем светофоре мы вновь поравнялись с такси Кондрата.

– Встречаемся на нашем месте, – крикнул я ему в открытое окно.

Добравшись до места первым, я дождался Кондрата с его девицами у входа в гостиницу. Сунув швейцару десятку, мы четвером вошли внутрь и отправились на второй этаж пешком – лифт ввиду позднего часа уже не работал. Расположившись в номере Кондрата, мы продолжили выпивать – он достал из своей сумки коньяк и шоколадки, я сходил в свой номер и принес оттуда два стакана.

Одна из девиц, Лидия, фигуристая сексапильная девица, толкнула меня игриво коленом в бок:

– Пойдем к тебе в номер, – сказала она. – Посмотрим, какая там обстановка. А то мы здесь, – она кивнула на Кондрата и Катю, о чем-то шепчущихся, – кажется, мешаем.

Мне не очень хотелось с ней уходить – девица эта, честно говоря, мне не особенно нравилась, но выбора не было; Кондрат на прощание со слабой улыбкой произнес:

– Приходите еще, ребятки. – И пьяно засмеялся.

– Савва, ты мне подаришь пятьдесят рублей? – едва мы вошли в комнату, спросила Лидия.

– Я не плачу девкам, – грубо ответил я. – Ты что, проститутка?

– Фи, как некрасиво, – ответила та. – Тебе что, жалко для меня полтинника?

– Нет, не жалко, но с проститутками я финансовых отношений не имею.

– Жлоб, – Лидия демонстративно принялась обувать только что снятые туфли.

– Послушай, ты можешь катиться отсюда сама, только молча, но еще одно кривое слово, и я тебя вниз по лестнице спущу.

– Я и сама дойду, – заявила та. – Только вот сейчас Катю, свою подружку, с собой заберу.

– Катю не трогай, а то я тебе... – угрожающе сказал я вставая и запирая двери на ключ.

В спорах и взаимных упреках прошло не менее получаса, мы за это время успели обменяться столькими колкостями и оскорблениями, что теперь при любом раскладе я даже дотронуться до своей оппонентки уже не смог бы. «Времени прошло достаточно, – взглянув на часы,

решил я про себя, устав от словесной перепалки. – Кондрат, думаю, со своей подружкой уже намиловался». Минуту спустя я уже шел по коридору, Лидия, посмеиваясь, шагала сзади.

Постучал, Кондрат почти сразу нам открыл.

– Тут брат, накладочка вышла, – сказал я товарищу, пропуская впереди себя Лидию. – Девочки, оказывается, трахаются за деньги.

– А я и не знал, – пролепетал Кондрат, выходя следом за мной в коридор и прикрывая двери. – Я свою разок в попу жажнул. Но денег она не просила.

– Тогда, если у вас всё, пусть эти телки уматывают домой, – сказал я. – Не жалко.

Лидия, а вслед за ней и Катерина вышли в коридор.

– До свиданья, мальчики, – пропела Катерина, послав мне воздушный поцелуй.

Я отвернулся, шагнул в комнату и прикрыл за собой дверь.

– Проверь, на месте ли твои документы и деньги, – буркнул я, плюхаясь на стул, Кондрат на мои слова только отмахнулся.

– Ну вот, брат, ты получил удовольствие, а я – нет, – сказал я, не очень, впрочем, огорченный. И вдруг меня осенило, что я даже чуть не подпрыгнул на месте. Ведь несколькими этажами выше, в 712 номере, это я хорошо запомнил, живет такая дамочка... «Та, если и пятьсот рублей попросит, дам», – вдруг решил я.

– Пойдешь со мной? – спросил я товарища.

– Куда? – пьяно улыбнулся тот, удивленно уставившись на меня.

– К одной женщине. Я ее здесь в обед присмотрел. Ты же еще ее сам похвалил, помнишь? Фигура, мол, красивая, и все такое...

Кондрат охотно кивнул, хотя было видно, что он не помнил. Минуту спустя мы уже стояли у лифта.

– Лампочки горят, а он не фурычит, – пробормотал Кондрат, несколько раз нажимая кнопку вызова. – Лифты же, блин, после двенадцати отключают, – вспомнил я, и мы потопали вверх по ступенькам.

– Ирку – «желтого цыпленка» – отпустил, – жаловался я вслух, поддерживая товарища, преодолевавшего ступеньки с затруднением. – А эти проститутки могли бы и раньше о деньгах заикнуться, я и так с трудом настроился эту Лидку трахнуть, а она к тому же профессионалкой оказалась.

– А ты уверен, что та, к которой мы сейчас идем, тебе даст? – спросил Кондрат.

– Пусть только дверь откроет, а там даст, конечно, куда денется, – хорохорился я. А сам подумал: «А ведь действительно, девиц легкого поведения я выгнал, а та мадам, меня, дурачка наивного, точно как пить дать выгонит, вот и все приключения на сегодня».

– Шестой, – пробормотал Кондрат, вглядываясь в цифру на двери.

В это время одна половинка коридорной двери открылась, и из-за нее навстречу нам вышел молоденький милиционер.

– А вы почему в такое позднее время по зданию болтаетесь? – с ходу сделав стойку и напустив на себя строгий вид, спросил он.

– А ты что так поздно здесь делаешь, старший лейтенант? – вкрадчивым голосом спросил я, бросив взгляд на его погоны.

– Я здесь по долгу службы, – немного сбавил он тон, продолжая нас разглядывать. – А вы кто такие?

– Слышал, небось: наша служба и опасна и трудна, и на первый взгляд и на фиг не нужна, – пропел я, затем солидно добавил: – Комитет госбезопасности, капитан Гвоздиков. (Я назвал фамилию своего одноклассника, в действительности работавшего комитетчиком). – Вольно, лейтенант, вы можете отправляться по своим делам. А мы пойдем дальше, так, коллега? – спросил я Кондрата.

Кондрат, все это время стоявший опершись спиной на стену, и часто кивавший, подтверждая тем самым каждое мое слово, оттолкнулся от стены и, шагнув к лестнице, остановился покачиваясь.

– Успехов тебе, старший лейтенант, – пожал я руку милиционеру, так как он, подозрительно нас оглядывая, все не уходил. – Поделим обязанности: вам туда, – указал я вниз, – ну а нам – наверх. – Я плотно взял Кондрата под руку, и мы пошагали по ступенькам.

Милиционер все стоял, провожая нас взглядом, пока мы не скрылись за поворотом лестницы. «Сомневается, а может, просто не захотел связываться, – подумал я. – Возможно также, он от женщины сейчас возвращается, или она его еще только ждет. В любом случае нам с Кондратом повезло, что он не потребовал наши документы, так как скандал нам ни к чему».

Добравшись до седьмого этажа, мы пошли по слабо освещенному коридору, тычась в каждую дверь, и вскоре нашли нужный нам номер.

– Семьсот двенадцатый, – прошептал я. Ты, брат, здесь подожди, я сейчас...

– А если она откроет? – растерянно спросил Кондрат. – Мне куда деваться?

Действительно, подумал я, этот вопрос у нас как-то не обсуждался. Затем сказал:

– Тогда пойдешь обратно, если она там одна, без подружки. Сам дойдешь?

– Доберусь, – ответил он просто. – Спускаться-то легче.

– А если она окажется с подружкой, – решил я приободрить товарища, – то ты ею и займешься.

Я поглядел на часы. Два часа ночи, не самое подходящее время для визитов. Да еще к незнакомой женщине. Постучал. Вначале за дверью было тихо, потом послышался сонный женский голос: «Кто там?». – «Проверка документов, – проговорил я, прикинув губами к замочной скважине, чтобы меня было лучше слышно внутри, и поменьше снаружи. – Откройте на минутку».

Дверь открылась на ширину ладони.

– Ну, чего вам, молодые люди? – зыркнув на нас глазами, спросила меня растрепанная блондинка, рукой прикрывая распахнувшуюся на груди ночнушку.

– Ой, а где?.. – растерялся я. Это была явно не та девушка, которую я встретил сегодня в вестибюле гостиницы. Блондинка собралась было закрыть дверь, но я успел вставить в щель носок туфля.

– ...Секундочку, мне только спросить.

– В такое время? – тон дамочки был соответствующий.

– Поймите, мы договорились с э... одной дамой. – Имени интересующей меня женщины, шатенки, я, конечно же, не знал.

– Ну? – поторопила меня девушка. – С кем договорились? Или мне позвонить, пригласить милиционера?

– Да я и сам... при погонах, – усмехнулся я, вспомнив нашу встречу с милиционером всего несколько минут тому назад. – Скажите, а в каком номере живет та девушка, что была здесь до вас? – чуть ли не слезно попросил я.

– Ладно, – сжалилась та. – Скажу. 607-ой. А теперь отпустите дверь, пожалуйста, несчастный полночный влюбленный.

– Спасибо, огромное вам спасибо, – сказал я закрывшейся перед моим носом двери, после чего вернулся к Кондрату. – Пошли, брат, нам сегодня пока не везет, но шансы все еще есть.

Двумя минутами позже, спустившись на этаж ниже, я осторожно постучал в нужный мне номер, и спустя минуту женский голос из-за двери спросил:

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста, на секунду, – взмолился я, и дверь, к моей неопишуемой радости, после минутного ожидания, показавшимся мне часовым, открылась. И я увидел ЕЕ.

– Вы, а я вас ищу, – сказал я, уверенный, что нашел, наконец, ту самую женщину, хотя увидел лишь по локоть оголенную женскую руку и локон каштановых волос. – Мы встречались с вами сегодня днем там, внизу, возле стойки администратора, помните? Вы тогда еще не пожелали воспользоваться моей помощью. – Не зная, что еще сказать этой незнакомой, но так понравившейся мне женщине, я говорил все подряд, боясь лишь одного, что дверь вот-вот закроется и я ее, мою симпатию, никогда больше не увижу.

– С той минуты, как я вас увидел, я, признаюсь вам, сам не свой, и должен, просто обязан был вас увидеть хотя бы еще раз.

– Сумасшедший, вы просто сумасшедший, – прошептала женщина из-за двери. – Подождите минуту, я сейчас выйду.

Я отошел от двери, почему-то сразу ей поверив, да и выбора у меня, собственно говоря, не было.

– Ну что? – спросил шепотом Кондрат из своего угла.

– Иди к себе в номер, брат, – также шепотом ответил я. – Доберешься сам?

– Обижаешь, – пробормотал тот и пошел, покачиваясь, по направлению к лестнице.

Проводив его взглядом, я переместил свое внимание на вожделенную дверь. Ждать почти не пришлось, дверь отворилась и вышла ОНА. Я сделал шаг навстречу и остановился.

– Я... простите меня за столь поздний визит. – Говоря это, я жадно разглядывал женщину. Поверх длинной ночной рубашки на ней был теперь надет бирюзового цвета халат с широкими рукавами. – Умоляю вас выслушать меня. Я как только увидел вас тогда, днем, и все... Не смейтесь – вам это, конечно, не внове – мужское внимание, а я, разыскивая вас, чуть с ума не сошел. Особенно после того, как вас не оказалось в 712 номере.

– Вы что, уже и там побывали? – ужаснулась женщина.

– Да, но только... я не сказал о цели своего визита.

– И какова же цель, – терпеливо спросила она, поправив спустившийся на лицо локон. – Мне вы это смело можете сказать, так как время уже достаточно позднее и мы здесь беседуем вдвоем. – Женщина ободряюще кивнула. – Я вас узнала, вы друг заместителя директора гостиницы.

– А – это, – махнул я рукой. – Пустяки. Вы, быть может, не поверите, но когда я вас увидел впервые, сразу понял, что вы – дама моего сердца, вы пленили меня с первого взгляда.

– Ну, и что из этого, по-вашему, следует?..

– Я хотел бы... раз уж мы встретились, не расставаться с вами, – пролепетал я. – Вы понимаете мои чувства?

– Вы, быть может, сексуальный маньяк? – Женщина, сменив позу, отодвинулась от меня на полшага.

– О. это было бы слишком просто. – Я обезоруживающе улыбнулся. – Знаете, в течение последнего часа я убежал от двух женщин и только теперь сообразил, что это все из-за того, что вы были где-то рядом – я просто чувствовал это.

Женщина вздохнула.

– Ну, а от меня вы чего хотите? Чтобы я вас пригласила к себе? Так я не могу, я не одна в номере.

«Но и не с мужчиной!» – мелькнула у меня надежда, мгновенно переросшая в сумасшедшую уверенность.

– Тогда я приглашаю вас к себе, у меня на втором этаже свободный номер, хотя это, может, не совсем прилично звучит. Простите меня.

– Я... я даже не знаю. Вы же не уйдете по-хорошему?

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, не уйду. Я от вас без ума и готов ради вас на все. – И тут же поправился: – Хотя, смею заверить, вам лично это ничем не угрожает.

– Пойдемте со мной, – пригласила она меня в номер. И мы вошли внутрь. Я быстро огляделся; номер оказался двухкомнатным. В комнате, в которую мы вошли, была кушетка, стол и телевизор на тумбочке. Женщина, сделав приглашающий жест рукой, сказала:

– Садитесь. К сожалению, мне нечем вас угостить.

– У меня... там... в номере есть коньяк, – сломленным голосом прошептал я, скромно опускаясь на край кушетки. – Мне искренне жаль, что я потревожил ваш сон.

– Ну, и чем мы с вами будем заниматься, неожиданный ночной визитер? – с легким оттенком кокетства спросила она, останавливаясь прямо передо мной.

– Всем, чем вы мне позволите, – несколько нахально ответил я, при этом с ужасом замечая, что храбрость меня покидает – сейчас, когда цель была близка, я был почти в растерянности.

– Минутку, – прошептала она, затем встала и вышла в другую комнату. Вскоре она вернулась, неся подушку и одеяло.

– Ложитесь сюда, – сказала она, снимая с себя халат и присаживаясь на кушетку. От этого ее такого простого и естественного движения мне в одно мгновение стало жарко. Я мигом освободился от своих вещей и юркнул под одеяло, секундой позже она последовала за мной. Нашупав под одеялом ее теплую руку, я прижался к ней щекой.

– Как зовут тебя, прекрасная незнакомка?

– Если тебе это важно, то Регина, – ответила она.

– А меня зовут Савва, заметь, у нас обоих редкие имена.

Мы повозились с минуту под одеялом, при этом я с удовольствием вдыхал ее запахи – тела, волос, духов, мои руки обнимали ее пьяняще желанное тело, и вдруг Регина стала опускаться, скользить вниз, вот она пробралась к моему паху и горячими губами захватила «удальца» в рот. Я стал гладить ее волосы и плечи. Регина увлеченно двигалась, мне вскоре стало очень приятно, это продолжалось до тех пор, пока я не кончил. Затем она выбралась из-под одеяла и, глубоко дыша, припала к моей груди.

– Милая Региночка, – шептал я. – Я просто хочу тебя, без всего этого, простой естественной любви, хочу обычного секса, прелесть моя.

Минут через пять я вновь возбуждился и стал гладить ее тело, бедра и ноги – кожа ее была нежной и бархатистой на ощупь. Я целовал ее плечи и грудь, когда Регина вновь стала опускаться вниз, к моему естеству.

– Ну не надо, пожалуйста, я вовсе не жажду этого, – прошептал я, привставая, но было уже поздно. Властные руки уложили меня обратно, а губы вновь завладели моим «удальцом». Хотя теперь ей пришлось заниматься этим значительно дольше, Регина вновь довела дело до финиша.

– Регина, – шептал я, секундами позже припадая к ее груди. – Я хочу тебя как женщину. Слышишь. Я умоляю тебя, позволь мне любить тебя.

– Нет, Савва, и не надо просить, потому что я не могу.

– Да, я прошу тебя, милая. – Я застонал от желаний, у меня было такое ощущение, словно меня лишают чего-то очень сокровенного. – Ты удивишься – за одиннадцать лет моей взрослости я в первые прошу женщину мне отжаться. Позволь мне просто любить тебя и все.

– Я не могу. Пойми меня. Теперь давай просто поспим, скоро настанет утро.

Еще через минуты две:

– Если ты будешь копошиться, я уйду к подружке, в соседнюю комнату.

– Мне кажется, что я и сам уже готов уйти к подружке.

– А как же быть с этим: «... я от вас без ума...».

– Это правда, Регина. Хорошо. Прости. Спи.

Несмотря на, казалось бы, полное удовлетворение, мне по-прежнему хотелось быть с этой женщиной, и прелесть своей для меня она ничуть не потеряла. Наверное, у нее имелась веская

причина заниматься со мной сексом именно таким вот способом, подумал я. А жаль. Вскоре приятная слабость, разлившаяся по всему моему телу, сделала свое дело, и сон овладел мною.

Я проснулся, когда мои часы показывали половину десятого. Повернул голову и понял что я один на кушетке. Я встал, огляделся, натянул брюки, затем заглянул в соседнюю комнату – спальню. Никого. Двухспальная кровать аккуратно застелена. Я был один. Один в чужом номере. А где же та необыкновенная женщина – Регина? И была ли она вообще? Опустошающая легкость в теле подсказала: да, несомненно, была. А сейчас в комнате оставался лишь запах от недавнего присутствия здесь женщины. Или женщин. Я направился в душ. Вода была едва теплой, но мне и такой было достаточно. Искупался с огромным удовольствием. Вытерся за неимением сухих полотенец простынёй. Вернувшись, я оглядел все в поисках хотя бы записки. Ничего! Ни Регины, ни записки, лишь влажные полотенца разбросанные тут и там и вчерашние газеты на стуле. На столе, в шкафу и в тумбочках тоже не было никаких вещей. С ума сойти. Она уехала. Вместе с подружкой, ведь она сказала мне, что в соседней комнате спит ее подружка. А я даже не почувствовал, когда она уходила, не проснулся. Какая жалость!

По-воровски, оглядываясь по сторонам, я покинул чужой номер и спустился лифтом на свой этаж. Кондрат оказался на месте, он лежал в постели в своем номере.

– Привет, брат, – улыбнулся я ему кисло.

– Ну как, где твоя женщина? – подняв на меня мутные глаза, спросил он вялым голосом.

– Если бы я знал, – ответил я. – Так горько, брат, не поверишь. Нет, поначалу все было хорошо. А затем... В общем, наутро она ушла. Ускользнула. Сбежала. Улетела. И я проснулся один в пустом номере.

– Не терзайся, брат, ей, видимо, надо было уезжать. Или, может ты и прав, лететь, – предположил Кондрат, с трудом выбираясь из постели. – Не расстраивайся, сейчас спустимся к Диме, он даст нам на нее полный расклад – фамилию, адрес и все прочее.

– Действительно, – повеселел я, – и чего это я сам не догадался.

– Потому что любовь не только ослепляет, но и оглушает, – Кондрат наставительно поднял палец.

Десятью минутами позже мы, захватив с собой по дороге заместителя директора гостиницы Диму, который явно маялся в своем кабинете от безделья, отправились в ресторан при гостинице – завтракать.

– Меня начальник нашего районного БХСС прессует, – со смехом жаловался Дима дорогой. – Я купил недавно новый «жигуль», так он все пристаёт ко мне: «Ты такой молодой, Дмитрий, а у тебя уже шестая по счету машина, так нельзя, потому что это бросается людям в глаза». А что я ему могу ответить? «Красиво жить не запретишь». Но он же мент, ме-ент, он не поймет. Вот вы, бармены, работники торговли, свои люди, вы меня прекрасно понимаете.

У входа в зал ресторана нас встретила женщина-администратор и провела к столику, расположенному в центре зала. Клиентов сегодня кормили на одной половине зала, другая половина была отгорожена стульями, там велись какие-то занятия – десятка полтора молоденьких девушек с разносами в руках, в малосимпатичной коричневой, похожей на школьную, форме, учились подавать на стол.

– Как вас зовут? – спросил я администратора, когда она нас усадила за столик.

– Нина Ивановна, а что?

– А кто командует этими девушками?

– В данный момент я.

– Могу я попросить вас, Ниниванна, чтобы именно эти девушки нас обслужили? – я изобразил на своем лице улыбку.

– Конечно, которая именно из них? – деловито спросила та.

– Они все выглядят, словно сестрички, – ответил я. – Одинаковые. Вот все пусть и придут, хоть по одной вилочке-салфеточке принесут, но обязательно все. Договорились?

– Ну... хорошо, – сказала та, вопросительно поглядев на Диму.

– Сделайте, – поддержал меня он. – Клиент просит. Хороший, заметьте, клиент.

Кондрат с восторгом разглядывал девушек, минутой позднее окруживших наш столик, любая из которых – 15—16-летних, годилась ему, совсем еще молоденькому бармену, в невесты. Была лишь огромная разница в жизненном опыте. Девушки, стесняясь и краснея, ходили вокруг нашего стола и по очереди что-нибудь приносили, вскоре он был полностью заставлен разнообразной снедью, которую я заказывал без всякой на то нужды.

– Красота, – сказал я, наливая себе в стакан минералки, и тут одна из девушек шагнула ко мне, взяла из моих рук бутылку и, долив, спросила:

– Кому-нибудь еще воды, пожалуйста?

– Спасибо, мне тоже, – Кондрат подставил свой стакан. – Налейте и еще холодненькой принесите. Вы знаете, девушка, что такое сушняк? Нет? Поверьте мне, лучше вам этого не знать. – Он залпом выпил свой стакан, затем повернулся к Дмитрию: – У нас к тебе вопрос. Дамочка из номера пропала. Савва теперь места себе не находит.

– Унесла с собой что-нибудь? – живо спросил он.

– Ага, – усмехнулся я. – Частичку меня в себе. Нет-нет, ничего криминального, просто, когда я проснулся, ее уже не было. А жаль. Я ее не успел даже как следует рассмотреть, но уже влюбился без памяти.

– С вами все понятно, ребята, – рассмеялся Дима. – Проверим по журналу и по листочкам прибытия, номер, фамилия, домашний адрес, прописка, найдем, не сомневайтесь.

– Ну, чего уж там, – сказал я, накалывая на вилку ломтик селедки. – Никто и не сомневается. Фирма у вас серьезная. А пока давайте обедать.

Обед прошел весело, непринужденно, но нам с Кондратом необходимо было спешить – работа ждала.

– Давай на свою дамочку данные, в смысле номер, который она снимала, – деловито сказал Дима, когда мы, завершив обеденную трапезу щедро расплатившись с Ниной Ивановной, проводили его до кабинета, – ну и имя, конечно.

– А знаешь что, Дмитрий? – поразмыслив, сказал я, – пожалуй, ничего не надо: исчезла, ну и бог с ней – может это и к лучшему, значит – не судьба.

– Возможно, ты и прав, – согласился Дмитрий, пожимая нам руки на прощание. – Но если что, я всегда к вашим услугам.

Приехали мы в ресторан «Пловдив» с небольшим опозданием, и я, схватив меню, отправился к своим столикам.

– А мы уже тут переживали за тебя, – шепнула мне Светка Антипкина, – с вечера каких-то девок с собой увез, ночью в общагу спать не заявился, пропал, думаем, парень.

– Я действительно пропал, Светик, – пожаловался я. – Влюбился безответно. Пожалеешь меня, горемыку, при случае?

Светлана, засмеявшись, убежала по делам.

Вчера, абсолютно честно работая, я получил около 70 рублей чаевых, что было неожиданно и весьма приятно. Сегодня пошел уже второй день моей работы официантом, и я своих клиентов вовсю веселил шутками-прибаутками, не забывая подавать им после десерта книгу предложений.

На этот раз мой «улов» составил «всего» 60 рублей, но и работал я заметно меньше вчерашнего; наши официантки вошли во вкус, стараясь сами всех обслужить, и вовсю перехватывали клиентов, надеясь на щедрые чаевые.

Время близилось к закрытию, было что-то около одиннадцати, и я заскучал; Кондрат пропадал на сцене у музыкантов, планов на вечер никаких не было, и я уже стал было думать о том, чтобы эту ночь провести в общежитии; все же там наши дамочки-коллеги для меня были свои, и можно было без проблем с кем-нибудь из них на ночь уединиться – с официант-

кой или поварихой какой-нибудь. И тут я вспомнил почему-то Ирину – «Желтого цыпленка»; куда она вчера девалась, после того как я ее не очень красиво отвадил, я себе не представлял. Чтобы не расстраиваться, я постарался не думать о женщинах, но в голову то и дело лезли мысли то о Регине, а то почему-то об Ирине.

Рассчитав своих последних клиентов, я стал спускаться по лестнице и вдруг заметил в вестибюле в углу у зеркала... Ирину. Я поначалу не поверил и потряс головой. Нет, видение не исчезло, а даже зашевелилось и стало что-то напевать вслух. Девушка была одна. На ней был строгий коричневый костюм, на голове новая прическа.

«Чего это ради она так причипурилась? – подумал я. – Неужели ради меня?»

– Здравствуй, свет мой, солнышко, Ириша, – незаметно подкравшись сзади, весело прошептал я, обнимая девушку за талию. – Здравствуй, моя сбежавшая невеста.

– Убирайся вон, Савва, – вырвалась из моих рук Ирина и вновь шагнула к зеркалу. Я – следом.

– Не обижайся, радость моя, – проговорил я. – Вернись ко мне, и я все тебе прощу.

– Да? – Ирина, резко повернувшись, посмотрела мне прямо в глаза. – А сам?.. Вот куда ты вчера пропал?

Я не мог поверить своим глазам: девушка меня упрекала, и, казалось, готова была заплакать.

– Я уехал к себе в общежитие, – растерянно сказал я. – Думал, твое вчерашнее предложение это – очередная и не очень удачная шутка, поэтому и смылся. А девушки, что были с Кондратом, оказались проститутками и мы с ними сразу, прямо у общежития расстались. Слово даю. Честное комсомольское.

– А я... я ведь вполне серьезно вчера сказала, что хочу этот вечер провести с тобой.

– Прости, я тебя не понял, – сказал я. – Мне стыдно. – Я склонил голову. – Я сожалею. –

И тут же, сменив тему: – Ты тут одна?

Девушка машинально кивнула.

– Что ж, тогда пойдем? – спросил я еле слышно.

– Пойдем, – с готовностью согласилась она.

– Дядя Сеня, – сказал я швейцару, вкладывая ему в ладонь металлический рублик, когда мы, миновав входные двери, стали выходить на улицу, – скажешь Кондрату, – а он к тебе сам подойдет, представится, – что я, Савва, уехал, пусть меня не ждет и не ищет, хорошо?

– Передам, – ответил тот и весело мне подмигнул, после чего мы вышли на улицу. Воздух был влажный, холодало. На такси мы в считанные минуты добрались до гостиницы.

– Это и есть твое общежитие? – с улыбкой спросила Ирина.

– Ну да, тут все живут сообща, ты разве не знала? – весело ответил я, открывая перед ней входную дверь. Мы без труда миновали швейцара, премировав его тройком, и пробрались в мой номер.

– Налей мне чего-нибудь согревающего, – попросила Ирина, усаживаясь на кровать. Я откупорил коньяк, но стаканов рядом с кувшином с водой не оказалось, и тогда я вспомнил, что они после вчерашнего вечера остались в номере Кондрата.

– Ты давно из горлышка пила? – спросил я Ирину.

– Коньяк – никогда, – ответила она улыбаясь. – Не смогу, наверное.

– Давай тренироваться, – сказал я. – Я набираю коньяк в рот, потом целую тебя, и делюсь с тобой, попробуем?

– Ага, попробуем, – согласилась она, снимая куртку, затем коричневый пиджак.

– Снимай уже все, чтобы если проливать, так хоть вещи не попортишь, – предложил я.

Помедлив секунду, Ирина разделась догола и, присев на постель, прикрылась одеялом. Я отхлебнул коньяку, пахучая жидкость опалила рот, и я припав к губам Ирины, понемногу, вместе с поцелуем стал вливать ей в рот коньяк.

– Очень пьяный был поцелуй, – сказала она, смеясь, когда мы, наконец, оторвались друг от друга.

В эту первую нашу с Ириной ночь было все – и поцелуи и упреки, затем страстные стоны и под конец ее легкий, журчащий смех.

– Какая же я была дура, – произнесла Ирина, обнимая меня и подбородком устраиваясь у меня на плече, – что не отдалась тебе еще в прошлом году. Тогда бы все у нас с тобой пошло по-другому.

Я обнял ее и поцеловал в висок.

– А мне лично не о чем сожалеть, ведь сейчас мы вместе.

– Нет, я сожалею, потому что теперь я несвободна в своих поступках, я учусь в универе, а тогда, сразу после техникума, захомотала бы тебя и все время могла быть с тобой рядом.

– Это каким же это образом? – спросил я, смеясь. – Ведь мы с тобой даже не переспали.

– Я тогда еще девушкой была, а ты меня только трахнуть хотел, других намерений в отношении меня у тебя не было, – слегка нахмурившись и надув губки, пожурила она меня.

– И трахнул бы, если бы мама с папой тогда к нам в комнату не ворвались, – напомнил я.

– Я из-за тебя тогда, – Ира легко ударила меня по щеке, затем сразу же в это место поцеловала, – на обследование ходила.

– Какое такое обследование? – удивился я.

– На проверку девственности. Мама заставила. Помню, она сказала еще: «Отнеси эту справку своему жениху Савве, он тебя крепче любить будет».

– Так чего же ты, дуреха, ее не принесла, я такую еще никогда не видел.

– Потеряла.

– Справку?

– Нет. Девственность потеряла, дурачок. Злая на тебя была, вот и...

– Ах ты моя дурочка. – Я прижал девушку к себе. – А помнишь, в ресторане я из-за тебя как-то раз чуть было не подрался. Музыкант-гитарист из кишинёвского ансамбля «Контемпоранул» Андрюша тебя танцевать пригласил, а я приревновал и хотел ему по тыкве дать.

– Помню. А потом еще оказалось, что вы в этом...

– В Оргееве, – подсказал я.

– ...ага, в городе Оргееве вы с ним в одном классе учились. Да как-то все глупо с этой девственностью получилось, – обиженно, по-детски добавила она.

– Чего уж теперь, забудь. Эта штучка одноразовая, хлоп и все! Теперь в универе вокруг тебя сотни ребят симпатичных крутятся, многие неглупые, с перспективой, с приличными родителями, жильём и с уверенностью в завтрашнем дне, знай себе выбирай, да пореже ошибайся.

– Они все какие-то... – прошептала Ирина. – Не такие, как ты.

– И слава богу, – вздохнув, сказал я. – Таких как я, поверь, летом надо на осине вешать, а оставшихся зимой в проруби топить, да-да, я себя немного знаю, поэтому и говорю так.

– Нет, неправда, мне с тобой хорошо. – Она затаенно улыбнулась.

– Чего же ты все время бегала от меня?

– Это игра такая – «догони меня» называется. Тебе не понять, ты же мужик. Может, у меня к тебе была такая странная любовь.

– Была? – шутливо отодвинул я ее от себя.

– И есть, – она вновь припала головой к моей груди и мы, поцеловавшись, вновь открыли друг другу свои объятия.

Утром Ирина укатила в университет, а я, поспав еще пару часов, разбудил Кондрата, и мы поехали в ресторан.

– Ну что, Ирка – «Желтый цыпленок» таки сцапала тебя вчера? – спросил он, когда мы садились в такси.

– А как ты?..

– Догадался? – усмехнувшись, спросил он. – Ты даже слова не сказал, свинюка, втихаря смылся, пришлось чуть ли не расследование проводить, чтобы узнать, куда ты делся. Хорошо, швейцар в конце концов сказал.

– Упрек справедливый, принимается к сведению.

В этот день я помогал своим коллегам укладываться – для нашего коллектива конкурс закончился.

Половина наших работников тем же вечером заказным автобусом отправилась домой, другая половина, их тех, что не очень торопились – на следующий день рейсовым.

А через несколько дней на общем собрании, проведенном в ресторане, объявили результаты республиканского конкурса.

Коллектив нашего ресторана занял второе место в республике из почти трех десятков претендентов. «Первое было определено заранее, так что я не в обиде», – с кривой ухмылочкой сказала на это Мамочка.

Славик, работавший официантом на банкете, завоевал первый приз в республике среди официантов по спецобслуживанию. Жора, наш бармен, оказался третьим среди барменов. «Ты подумай, брат, как интересно получается, – сказал я на это Кондрату, – если бы проводился городской конкурс, Жорка тоже бы выше третьего не поднялся – после тебя и меня». – «Или, вернее, тебя и меня, – согласился Кондрат».

«Второе место среди официантов республики в обычном разряде присвоено Савве А-ву», – услышали мы далее. Все стали удивленно на меня оглядываться, а я чуть не заржал. «Он, скажу я вам, очень старался, а также грамотно работал с книгой отзывов и предложений, – заметила Мамочка, оторвав глаза от листка, – так что, коллеги, возьмите себе этот факт на вооружение. Думать надо не только о левых заработках, но также и о престиже. В этом плане Савва – работник новой формации. У таких надо учиться».

P.S. Кстати, сразу же по приезду в родной город я обнаружил в своем почтовом ящике невзрачный квадратик тонкой серой бумаги – повестку в прокуратуру. Следующим же утром я отправился туда – благо все равно было по пути на работу.

Наша районная прокуратура размещалась в отдельно стоящем на перекрестке улиц в одноэтажном неприметном здании, сразу за которым начинался городской парк. Заместитель прокурора Марченко, старый мой знакомый, чья фамилия значилась в повестке, принял меня необычайно любезно и ласково.

– Давай, Савва, заходи и присаживайся, вот тебе ручка, вот тебе листочки. Тут, понимаешь, какое дело... Напиши нам, как у тебя все эти годы складывались отношения с твоим директором общепита – Наиной Васильевной. Все подробно: как и на каких условиях она тебя на работу принимала, сколько, когда и где ты давал ей денег, сколько раз и с кем она выпивала за твой счет, в смысле не рассчитывалась – все в свободной, повествовательной форме. Не помнишь дат, пиши примерно. Замечу тебе, что это все так, для проформы, ваши работники уже все основное написали, а ты нам нужен просто для количества, директор ваша хоть так, хоть этак в ближайшем будущем с работы слетит и отправится под суд. В общем, ты напиши все, что тебе подсказывает твоя гражданская совесть. – Он замолчал и, тогда я поднял глаза и посмотрел на него в упор.

Марченко отвел свой взгляд, а после паузы продолжил:

– Давай-давай, ничего и никого не бойся, она в любом случае начальником больше работать не будет. Потому что взяточница. Высказывайся честно и откровенно. Ты ведь ни в чем не виноват, тебя использовали, ты простой работник.

– Да, – кивнув, подтвердил я, – я простой труженик бутылки и мензурки.

– Ну вот, видишь, как ты меня хорошо понимаешь, – сказал он, задумчиво пожевав губами. – Ну, не буду тебе мешать, пойду, у меня есть и другие дела. Через полчаса вернусь, надеюсь, справишься.

Когда Марченко вернулся, передо мной на столе по-прежнему лежал девственно чистый лист бумаги.

– Ну, что же ты, Савва? Гражданин ты, надо признать, несознательный. – Голос его из тихого стал громовым. – Советую написать все, как было, не раздражай меня, мы тут в бирюльки не играем. Я даю тебе еще час. Подойди к этому делу со всей серьезностью! Кстати, твое будущее тоже в какой-то мере зависит от того, что ты сейчас напишешь.

– В смысле? – откинулся я в кресле.

– В смысле, если ты не напишешь то, что я тебе сказал, я припомню тебе все: и драки в ресторане с твоим участием, и совращение малолетних, и изнасилования... Да-да, изнасилования, может, ты хочешь мне сказать, что их не было? Имя Вячеслава Елдакова о чем-нибудь тебе говорит? То-то же. Мы тебя жалели, прикрывали, потому что прежний прокурор говорил нам, чтобы мы смотрели на ваше баловство сквозь пальцы. Видать, выпивал там, у вас, вот и говорил так. Мы и смотрели сквозь пальцы – но теперь, если ты надумал умничать, то уже очень скоро будешь смотреть на меня сквозь решетку, понял. Я – с этой стороны, где честные люди, а ты с той, где преступники. Потому что то, что вы делали и сейчас делаете, вовсе не баловство. У нас в районе теперь новый прокурор, поэтому не надейся на прежнее снисходительное отношение к себе, этот номер уже не пройдет.

– Все везде одно и то же, – пробормотал я еле слышно, так как от его слов неприятно стеснило грудь.

– Что ты говоришь? – не расслышал Марченко.

– Я должен еще подумать, – сказал я уже громче.

Марченко поглядел на часы.

– Ну, еще час я тебе обещал. Хочешь, закрою тебя здесь, в кабинете, чтобы лучше думалось? Или, может, сразу в камеру, а? Шучу-шучу.

– Я не убегу. А чего бежать, здесь у вас хорошо: прохладно, кресло мягкое, посторонние здесь не крутятся, по пустякам не беспокоят; и вообще, наверное, обходят этот домик стороной. Часок, пожалуй, выдержу.

– Вот-вот, ты подумай, а я пошел.

Прошло еще около двух часов, я успел за это время перебрать у него на столе и в шкафчиках все бумаги, даже подергал ручку сейфа, но он был закрыт.

В коридоре послышались шаги, вошел Марченко, следом за ним в кабинет шагнул еще один мужчина, мне незнакомый, тоже, судя по форме, работник прокуратуры. На столе передо мной лежал все тот же листок бумаги, только теперь на нем были написаны четыре строчки.

– Раз другие вам, гражданин Марченко, все уже написали, – сказал я, поднимаясь со своего места и протягивая ему листок, – то мне в свое оправдание осталось написать лишь это.

Марченко взял листок и прочел вслух:

Уважаемый товарищ Марченко,

довожу до вашего сведения,

что я никого не насиловал,

а лишь проводил половые исследования.

Лицо заместителя прокурора побагровело.

– А? Что? Так ты еще, мля, и поэт, оказывается?! Вон из моего кабинета! Мерзавец!
И помни – теперь-то я уж до тебя обязательно доберусь.

Новелла третья. Гамбит от брюнетки

Коктейль «Фиговый листок»

Светлый ром 40 мл.

Вермут 20 мл.

Сок лимона 20 мл.

Смешать компоненты в шейкере, слегка взбить с кубиками льда и подать в бокале. Украсить «пьяной» вишенкой.

*Всего лишь есть семь нот у гаммы
зато звучат не одинаково;
вот точно так у юной дамы
есть много разного и всякого
Игорь Губерман*

Вскоре после того, как я стал работать в баре кафе «Весна», мне посчастливилось познакомиться с одной хорошенькой девушкой. Звали ее Ольга, ей не было еще и восемнадцати, в текущем учебном году она перешла на последний курс нашего городского медицинского училища. Несмотря на свой совсем еще юный возраст, Ольга была девушкой зрелой и гармонично развитой – как физически, так и интеллектуально. При этом девушка была весьма привлекательна внешне и именно в моем вкусе – яркая брюнетка с зовущим взглядом огромных карих глаз. Она первой выразила желание познакомиться, и я, конечно же, немедленно откликнулся на этот призыв. Девушка не постеснялась в первый же вечер зайти в подсобку, когда я после первых минут нашего знакомства полушутя-полувсерьез предложил ей помочь мне вымыть стаканы, да так и проработала целый вечер до конца смены на месте судомойки. После этого я решил проводить девушку домой, так как время было уже достаточно позднее.

Дорогой Ольга рассказала, что живет в съемной комнате в одном из частных домов вместе с подругой. Не знаю, было ли это случайно, но Ольгиной соседки по комнате в тот вечер дома не оказалась – девушка, по ее словам, уехала в село к родителям, и мы, естественно, провели эту ночь вдвоем.

Мы тайком, даже не включая света, пробрались в комнату, чтобы не беспокоить хозяйку дома, жившую через стенку. Пока Ольга, стесняясь, полоскалась в тазу, прикрывшись от меня дверцей шкафа, я возлежал в постели поверх одеяла уже обнаженный, и вождление, подогреваемое фантазиями, уже волнами накатывало на меня, горяча тело. Несмотря на то, что практически каждый бармен, благодаря своей профессии, всегда на виду и нередко востребован у женщин, вышло так, что в последние несколько недель сексуальных отношений у меня ни с кем не было. А тут такая замечательная партнерша – юная и хорошенькая.

Ольга подошла к дивану в халатике, внимательно оглядела меня, затем, выскользнув из халатика, осторожно прилегла рядом, и я стал при тусклом свете слабенького ночника изучать, лаская, ее прелестное гибкое тело, нежно тискать, целовать и покусывать плечи, шею и грудь. Она уже дрожала от возбуждения, прерывисто шепча какие-то слова, пока я целовал медовые соски ее упругой груди в форме наливных яблочек, и довел ее этим до такого состояния, что она порывистым движением опрокинула меня навзничь и полезла сверху, насаживаясь на моего «удальца» своей знойной, разгоряченной страстью сладостно-упругой «дундочкой».

Она охнула, когда мой «удалец» вошел в нее до конца, лицо ее с упругими девичьими щечками порозовело от испарины, в ее глазах на мгновение мелькнул ужас, наверное, от боязни, что он целиком в ней не поместится, но все закончилось благополучно, ее «дун-

дочка» и мой «удалец» поладили между собой, затем с упоением слились в жаркой любовной схватке. Я был приятно удивлен прекрасным природным темпераментом моей партнерши, передавшемся ей, как она мне поведала во время одной из последующих встреч, вместе с болгарской кровью по материнской линии. Тело девушки оказалось необыкновенно сладостным и нежно-отзывчивым на ласку, она как кошечка искала ее, тянулась, выгибаясь навстречу моим рукам, и получала эту ласку в полной мере.

И тогда, с самой первой нашей ночи я понял, что она – моя женщина, и что мы с ней идеально подходим друг другу. Дальнейшие наши встречи, следовавшие за первой, только подтвердили мое предположение. Так завязался наш с ней роман.

Надо сказать, что Ольга, на удивление чувственная для ее возраста партнерша, очень трепетно относилась к нашим интимным отношениям, была внимательна и заботливо-предупредительна в постели, и с трогательной нежностью заботилась обо мне, что вообще редкость в отношениях между мужчиной и женщиной в наше время, насколько мне известно.

Это льстило моему самолюбию и дало дополнительный толчок к развитию наших отношений. Вскоре я с удивлением обнаружил, что 17-летняя девчонка в интимном плане дает мне больше, чем супруга, с которой я прожил семь лет, и с которой у нас, как мне до сих пор казалось, были вполне гармоничные отношения.

В одну из ночей, когда мы лежали расслабленные, отдыхая после интима, Ольга зачем-то решила рассказать мне о мужчинах, которые были у нее до меня. Я отнекивался, отказываясь ее слушать, но она настояла, чтобы я выслушал ее, сказала, что так ей, мол, будет легче. Глупенькая наивная дурочка.

И я услышал ее рассказ. Около трех лет тому назад, когда ей едва исполнилось 15, ее обманами и уговорами соблазнил... бармен. Грузин. По имени Сулико. Да, если уж быть точнее, Залико... присной памяти, мать его!.. Мой напарничек, с которым я работал какое-то время в баре ресторана «Прут», грузинский джигит. Надо же, кобель драный, и тут он поспел... После этого у Ольги был очень короткий роман с Юрой Гагра; они встречались не более недели. Этот тоже был весьма известной в нашем городе, – и за его пределами, – личностью, спортсменом, боксером, чемпионом республики, мастером спорта СССР, который, кстати сказать, вскоре стал рэкетиром экстра-класса, сумев высоко поставить себя в бандитской среде Молдавии и, между прочим, к настоящему времени контролировавшему пол-Кишинева. Затем у Ольги в любовниках оказался какой-то врач, у которого она проходила в поликлинике то ли стажировку, то ли практику – с ним у нее были более ли менее стабильные и продолжительные отношения, ну а теперь в ее жизни появился я...

Этот ее рассказ-исповедь был трогательно откровенным, ведь зачастую девушки и женщины – наши партнерши, – имевшие до встречи с нами порой весьма бурную интимную жизнь, «признаются» нам лишь в том, что мы в ее жизни «номер два».

Выслушав Ольгину историю, я обнял ее, нежно поцеловал, успокоил и сказал, что она для меня – чиста и прекрасна, и что я больше не хочу слышать о ком-либо из ее прежних партнеров, и уж, тем более о том, что она винит себя за несколько сумбурное прошлое.

Итак, после первой нашей встречи Ольга стала приходить в бар почти каждый вечер – помогать мне в работе. Не переставая улыбаться, она перемещалась внутри стойки, собирая стаканы и тарелки, и взгляды всех без исключения мужчин, находившихся в баре, были устремлены на нее; при этом, как мне казалось, со дня ее появления здесь поток посетителей в баре возрос еще не менее чем на 10—15%. Мы работали вместе слаженно и весело, сталкиваясь иногда случайно (или специально) в подсобке, застывали на секунду, глядя друг на друга, затем целовались и тут же разбегались в разные стороны, отправляясь каждый по своим делам. Нередко, задерживая на девушке свой взгляд, я мысленно ласкал каждый изгиб ее тела, и представлял себе, чем мы с ней будем заниматься сегодня ночью, когда мы закончим работу и останемся, наконец, вдвоем. Ловя мои взгляды, Ольга бросала в ответ из-под густых ресниц

задорный взгляд своих маслянисто-черных глаз, затем застенчиво опускала их, однако я был убежден, что думала она о том же, что и я..

Подруга-соседка, жившая с ней в одной комнате, вернулась из села спустя несколько дней, поэтому нам необходимо было найти для встреч другое место, новое любовное гнездышко. Оно и обнаружилось вскорости, причем в непосредственной близости от места моей работы: сосед, проживавший в доме, расположенном прямо напротив нашего кафе, Генка Стрелец – прожженный урка с шестью ходками на зону, имел там небольшую двухкомнатную квартирку, в которой одна из комнат, спальня, пустовала. Быстро сговорившись с Генкой об аренде этой свободной комнаты, я задумался о форме оплаты, так как Генка любезно предоставил мне самому решить этот вопрос. Заодно нужно было подумать о том, как распорядиться ключом от квартиры, так как этот самый ключ был единственным. Впрочем, ответ на оба этих вопроса нашелся сам, причем в первый же вечер: Генка «приспособился» заносить ключ самолично – он приходил в бар к закрытию, выпивал пару стаканов портвейна, после чего мы покидали бар вместе: я с Ольгой направлялся в «нашу» комнату, Генка же шел в другую, где его дожидалась сожительница Татьяна..

Придя на место и, не обращая внимания на голоса постоянно переругивающихся за стенкой Генки с Татьяной, мы с Ольгой запирали дверь нашей комнаты изнутри на задвижку, затем включали ночник – небольшой, дающий совсем немного света и вместе с тем создающий некоторый уют. Свет нам был просто необходим для того, чтобы видеть во время любви тела друг друга, это вскоре стало для нас насущной потребностью..

Ольга неподдельно радовалась каждой минуте нашей близости, глаза ее излучали счастье и удовольствие, и вскоре я решил, что она мне дана богом как компенсация за мою несчастную любовь в браке и не сложившуюся семейную жизнь. С другой стороны, уже в скором времени я стал немного побаиваться наших с Ольгой отношений, из-за того, что она, как мне казалось, влюбилась в меня без оглядки, – ведь мы, мужчины, в большинстве своем трусы и нас пугает безграничная и всепоглощающая любовь к нам женщины; еще одним настораживающим фактором для меня было то, что увлекаясь любовными играми, Ольга не ведала границ, считая – в любви все дозволено, – а это меня, в сущности, провинциального парня, слегка пугало. Между тем, признаюсь, я и сам увлекся этой девушкой не на шутку, – мне попросту, повторюсь, с ней было хорошо. Я как хотел вертел в постели ее юное гибкое тело, изобретая все новые позы, какие мне только подсказывала фантазия; нежная упругая кожа ее при этом буквально вибрировала в моих пальцах, она безумно возбуждала меня, а как-то раз мы и вовсе сошли с ума: занимались любовью с полуночи до четырех утра практически без перерыва. Мой «удалец» к утру почти совсем онемел, потерял чувствительность, а упругие мышцы ее «дундочки», казалось, без усталости были готовы принимать и ласково обжимать его в своих объятиях, выделяя при этом смазку в виде увлажняющей любовной влаги..

В тот раз мы уснули лишь под утро; счастливые и до конца опустошенные, мы забылись, не разжимая объятий, на несколько коротких часов, затем сквозь сон я почувствовал, что Ольга меня целует, но у меня не было сил даже открыть глаза, не то чтобы ответить ей. Целый день после этой ночи (Ольга убежала в свое училище на занятия) я чувствовал стеснение в груди, покалывание в области сердца, и понял, что слегка переборщил с сексом. Что интересно, именно после этой ночи Ольга стала поговаривать о замужестве, уверенно заявив, что могла бы стать мне идеальной супругой. Милая девочка, я был старше ее на добрых десять лет, к тому же предыдущий мой семилетний семейный опыт, признаться, не принес ожидаемого счастья, меня лишь напугал. Я честно рассказал обо всем этом Ольге, и, надо заметить, она спокойно и с пониманием отнеслась к моему признанию; не слишком жалея себя, я рассказал также о своих ощущениях после последней нашей бурной ночи, и тогда она рассмеялась, сказав, что ей со мной всегда хорошо, а то, что мы вытворяли той ночью, было похоже на сумасшествие, которое совсем не обязательно повторять.

«Теперь, милая, если ты не против, мы будем иногда позволять себе выходные», – сказал я Ольге. «Непременно, – ответила она. – Мне тоже в ту ночь казалось, что я вот-вот с ума сойду, до того мне было сладко». Анализируя наши с ней отношения, я пришел к выводу, что с моей стороны они базируются почти исключительно на сексе. Даже спустя два месяца после начала наших встреч, ставших теперь ежедневными, я все еще желал ее так же страстно, как в первую ночь, а возможно, и более того. Каждый вечер, заканчивая работу, я вождельно поглядывал на Ольгу, совершенно забывая о том, что сам же на этот день назначил нам обоим выходной, и тогда мы уходили на квартиру, и неистовая сила наслаждения вновь бросала нас в объятия друг друга.

Как-то раз, мы, как обычно, закончив работу около полуночи и закрыв бар, пришли на квартиру. Там, в большой комнате, именуемой залом, мы обнаружили ее хозяина Генку: он чистил картошку и курил какой-то сморщенный, темного цвета, явно самодельный «бычок»..

– Что, страдалец, – спросил я его, – Танька отказывается тебя кормить?

– Да вот выпил у вас в баре два стакана портвейна, – пожаловался Генка, доставая из сетки на полу новую картофелину и внимательно изучая ее, решая, видимо, с какой стороны к ней лучше подступить. – А когда вернулся, ее, сучки, в доме уже не было. Ушла, свои вещи и наши общие деньги забрала, а есть-пить мне не оставила, даже заныканные мною на черный день полбанки спирта с собой унесла. – Генка ловко и быстро очистил картофелину, его мускулистые руки, как, впрочем, и другие части тела, не скрытые тельняшкой, были сплошь в синих тагуировках. Тут же, почти без паузы он спросил:

– У тебя есть что-нибудь выпить?

– Есть, шампанское, – с готовностью ответил я, встряхивая сумку.

– Н-е-ет, – разочарованно протянул он и покачал головой. – Это кислое вино с пузырьками не для моего желудка. Мне бы чего покрепче и лучше сладкого, у меня же, ты знаешь, язва, и половины кишок нет, вырезаны..

Ольга, пока Генка все это рассказывал, собрала в миску очищенный уже картофель, вымыла его под краном, затем стала у газовой плиты, установила сковороду на огонь, мелко порезала в нее кусочки сала, брызнула туда же немного подсолнечного масла и, нарезав картофель дольками, принялась жарить. Тогда Генка, очень довольный нашим вниманием к своей персоне, решил повеселить нас очередным рассказом из своей весьма богатой тюремными приключениями жизни.

– Кинули, значит, меня два года тому назад в Одесскую пересыльную тюрьму, – начал рассказывать он, ловко сворачивая пальцами новую «козью ножку». – За нарушение надзора получил я тогда срок – один год. Был август месяц. В камере, рассчитанной на тридцать человек, томятся восемьдесят – вонь, духота, дышать нечем, народ спит в три смены, а в камере сборняк несусветный: урки, хулиганы-рецидивисты сидят вместе с новичками, с теми, которым еще только первый срок «мотать» предстоит, молодежь и старики вперемежку, – карантин, одним словом. Впихнули и меня в камеру, я как вошел, сразу поздоровался, затем нашел кусочек свободного места у голой стены, присел на корточки – усталый был. Через пару минут подваливают ко мне на полусогнутых два фраерка, оба – бычки накаченные, ну эти, которые из новеньких: что морды, что кулаки – огромные, как футбольные мячи, а в глазах ни проблеска ума, ни капли фантазии.

Тут один из них и говорит мне: «Клифт снимай, ты, бык колхозный, он тебе уже ни к чему. И в сумке покажи, что имеешь». Отвечаю я им устало: «Ребята, отвалите на хер, идите погуляйте». Куда мне, в самом деле, с ними тягаться, они же не сидели, как я, на баланде тюремной последние 20 лет. «Ты че, черт? – говорит один, – подымайся, мы тебя сейчас живо из штанов вытряхнем». – «Кончать тебя будем» – гундосит другой, устрашающе округляя глаза, и машут оба кулачищами, что твой вентилятор воздух нагоняют. «Стар я, чтобы с вами, быками, бодаться, – говорю я им, – так что идите, ребятки, на х...». И действительно, мне уже

42, хоть внешне пацаном выгляжу – худой, волосы черные, без седины, морщин нет – тюремная диета, одним словом.

А эти двое на мои слова как взвываются, уже чуть не из кожи лезут, скачут рядом, пыль поднимают. Тут открывается дверь, мусор, прапорщик с бумажкой в руке входит, и фамилию мою объявляет. Я встаю, данные свои, статью и срок, как положено, называю.

– Через 40 минут быть готовым с вещами на выход, – говорит он. Дверь закрылась, и тут со своего места поднимается, подходит ко мне один худощавый бродяга, отодвигает брезгливо этих двух духаристых и спрашивает:

– Какая ходка, браток?

– Шестая, – отвечаю ему неохотно. Стыдно мне было признаться, что за нарушение надзора год получил, а на Украине эта статья вообще не очень уважаемая. Тут эти два бугая, услышав наш разговор, как подрубленные падают на колени и подползают к моим ногам..

– Дядя, извини, прости, по глупости, по недоразумению вышло...

– Ребята, – говорю я им, – я же сказал уже, пойдите на х..., глаза бы мои вас больше не видели.

Закончился рассказ, и тут как раз подоспела картошка, разнесся по кухне вкуснейший запах. Ольга, найдя чеснок, мелко искрошила пару зубков и кинула в сковороду, после чего, накрыв крышкой, сняла ее с огня. Генка, обождав немного, потянулся к вилке, она, немытая, со следами-крошками на ней предыдущих трапез, валялась на столе, присыпанная картофельными очистками.

– Ну, присоединяйтесь, – пригласил он, поддев вилкой исходящую душистым паром картофельную дольку и отправляя ее в рот..

– Спасибо, – вежливо откликнулся я, – мы поужинали в кафе, а сейчас пойдем, пожалуй, десерт есть..

– С вами все ясно, – понимающе улыбнулся Генка, прожевывая кусок, – идите, дело молодое, сам, помню, такой же был, как видел бабу, даже есть не хотелось, сразу в постель ее тянул.

Мы отправились в спальню и, прикрыв за собой дверь, стали раздеваться. И где только Генка видел этих самых баб, запоздало подумал я, укладываясь в постель, ведь он между отсидками проводил дома не более нескольких месяцев, пил да воровал с 14 лет, а в зоне уж какие девки – одни пидоры в «петушатнике», хоть и с женскими именами, зато иметь их можно только сзади; тьфу-тьфу, сбереги меня, судьба, от подобной напасти..

Так прошел наш с Ольгой «медовый» месяц, затем другой, за ними потянулся следующий, и тогда возникла еще одна напасть – Кондрат, мой товарищ, мой «боевой» партнер, этим моим увлечением Ольгой не на шутку взволновался и обеспокоился.

Еще бы, его можно было понять. Друг его лучший, то есть я, влюбился. Еще недавно мы чуть ли не каждый день ходили к девушкам, все время вместе, вдвоем, а теперь...

Нет, если уж говорить начистоту, то пару раз, когда Ольга отсутствовала в городе – ездила к родителям в свой родной город Измаил, – я приходил к Кондрату, и мы с ним отправлялись, как и прежде, к девчонкам вольного поведения. Подруги, с которыми мне приходилось спать, по сравнению с Ольгой в постели оказывались просто никакими, а может, это я настолько к ней привык, не знаю, зато, как только она возвращалась, я, радуясь ей, вздыхал с облегчением, тут же забывая всех остальных.

Как-то раз она вернулась в наш город после двухнедельных каникул, которые она провела в родительском доме, и «доброжелатели» Ольге все-все про нас с Кондратом рассказали: где, что, с кем, и так далее. И в тот самый злополучный день она пропала, даже отношения ко мне выяснять не пришла – просто исчезла и больше недели не появлялась. Однако, как очень скоро выяснилось, моя Ольга никуда не пропала, а, как говорится, пошла по рукам, – переспала, чертова девка, за этот короткий промежуток времени почти со всеми моими друзьями-приятелями. Как я понимаю, сделала это в отместку мне за мои похождения. Так случилось, что обо

всех ее «художествах» я узнал разом, в один день. И затосковал не на шутку. А на следующий день после этого она пришла ко мне в бар, уселась в дальнем конце стойки и долго смотрела на меня своими огромными и черными, как маслины, глазами.

Смотрела она на меня с упреком, и в то же время с каким-то вызовом, а я, признаться, и без того чувствовал, что сам в большой степени повинен во всем том, что она вытворила за последнее время. Едва найдя в себе для этого силы, я подошел к ней и сказал:

– Оля, ты была мне очень дорога и мне не в чем тебя упрекнуть, но прости, видеть тебя я больше не в силах. Уходи, пожалуйста, и забудем друг о друге!

Что и говорить – оба мы были хороши. Пара гнедых! И она ушла.

Несколько последующих за этим дней я ходил сам не свой, а в понедельник, в свой выходной день, забрел к Кондрату в бар. Время было еще совсем раннее, начало седьмого вечера, и бар был закрыт для клиентов. Зашел, поздоровался со своим товарищем, чем-то занятым за стойкой, затем прошел к угловому столику, где обнаружил почти всех членов нашей компании: Жердя, Стаука, а также ментов – Банана и Яника. Все были слегка навеселе, на столе стояла опустошенная бутылка коньяка, что, в общем-то было явлением необычным, – никогда в нашей компании в такое раннее время не выпивали, а зачастую, кстати, не выпивали вовсе.

Пожимая протянутые руки, я заметил, что мои друзья поглядывают на меня как-то странно, глаза при разговоре в сторону отводят, но о причинах этого не догадывался. Поэтому, вернувшись к стойке, я спросил Кондрата, в чем дело, по какому поводу пьянка, на что тот лишь плечами пожал, хоть я и чувствовал, что он-то уж наверняка знает, в чем суть дела. Спустя четверть часа, когда все наши друзья-товарищи, по-прежнему стараясь не встречаться со мной взглядами, каждый ссылаясь на разные, мало что объясняющие причины, покинули бар, я решительно подошел к Кондрату и потребовал сказать мне, в чем все-таки дело. И тогда он поведал мне о том, что произошло в баре до моего прихода, часом-двумя ранее..

– Ольга пришла сюда в самом начале перерыва и сидела одна, вот тут, напротив, и слезно уговаривала меня, чтобы я сделал все возможное, чтобы тебя с ней помирить, – стал рассказывать Кондрат. – Твоя подружка была в отчаянии, видно было, что она любит тебя, дурака, и страдает ужасно. Но я, как ты знаешь, первый среди тех, кто был против ваших постоянных отношений, – уж не знаю, на что она надеялась и рассчитывала. Лишь на то, наверное, что я имею на тебя большее влияние, чем другие. Но поговорить по душам нам с ней не дали. Вначале заявился Банан и, едва завидев Ольгу, расплылся в улыбке и сходу направился к ней. «О, какие люди у нас сегодня в баре, – заявил он, – ты пришла сегодня Кондрата снять, или, может, хочешь еще разок ко мне на опорный пункт заглянуть, на кожаном диванчике расслабиться?»

Ольга от этих слов растерялась и ничего ему не ответила, лишь попросила для себя фужер шампанского. Ну, а вскоре, когда подошли все остальные, кого ты здесь застал, Банан вновь подступил к Ольге: «Ну, не стесняйся, все твои любовники, кроме Саввы, уже собрались, выбери на вечер любого». И добавил, дурачась: «Все здесь знают, что ты женщина знойная и любвеобильная. Ну, хотя бы расскажи нам, кто из нас тебе больше нравится, кто тебя лучше удовлетворяет. В постели, как мужчина. Давай, не стесняйся». – «Ты действительно этого хочешь?» – тихо спросила его Ольга. «Ну конечно. Выкладывай». – Банан, посмеиваясь, оглянулся на нас. «И все остальные этого хотят?» – вновь спросила она. Ответом ей было молчание. «Хорошо, – сказала она, выпрямившись и вперив во всех нас дерзкий взгляд. – Я скажу. Только, пожалуйста, без обид. Ты, Банан, конечно, шустрый мужик, но в постели ты... кролик, – наскочил, подрыгался немного, при этом только и думаешь о том, чтобы поскорее кончить, а состояние женщины тебя не заботит. Такой же и Жердь. Вам обоим оценка – троечка. С минусом. Яник – этот немного другой, он думает о своей партнерше, умеет увлечь, завлечь, но ему не хватает огня – того и гляди уснет посреди процесса. И любовник он неплохой, но это и все, четверочка с минусом. Стаук – если по мне, то никакой, мне такие парни вообще не нравятся. Вот Кондрат, если захочет, может женщине много дать, но все равно он эгоист, думает больше о себе». – «Ну,

а твой Савва, что ты скажешь о нем?» – не вытерпел темпераментный Банан, заметно было, что он впервые в жизни присутствовал при столь откровенном разговоре. – «Савву не трогай, – одернула его Ольга. – Он – мой мужчина. И вы все вместе его одного не стоите. – Тут все присутствующие удивленно и растерянно переглянулись между собой. – Он единственный, кто умеет женщину поднять до вершин блаженства, при этом опуская на дно порока», – закончила она. «Ну, ты, дура, звезды-звезды, да не забывайся, – решил внести справедливость Жердь, – заканчивай тут глупости расписывать». – «А ты мне рот не затыкай, – огрызнулась Ольга. – Сами ведь хотели – честно. Вот и получите правду о себе». – И девушка, резко отодвинув от себя фужер с шампанским, встала из-за столика и вышла из бара. Все, надо признать, были в большой растерянности..

«Кондрат, налей мне сто грамм коньяка, – сказал после ее ухода Жердь, тяжело опускаясь на пуфик. – Ну и стерва эта ваша Ольга». – «Мне тоже налей, – подсел рядом с ним Банан. – Нехорошо пить одному». – «Чем же это он так хорош, наш Савва?» – задумчиво, ни к кому не обращаясь, спросил Яник, присоединяясь к ним.

Короче, все они после Олькиного ухода выпили, затем Жердь взял целую бутылку, и они повторили, ну а потом ты пришел, – закончил свой рассказ Кондрат..

Теперь мне стали понятны и косые взгляды моих друзей и их столь ранний уход. И я почувствовал себя очень неловко, словно был перед ними в чем-то виноват..

– Скажи, Кондрат, ну и на хрена мне такая реклама? – спросил я. – Теперь ребята будут обижаться.

– Плюнь ты на все это, – верно оценил мое состояние Кондрат. – Подумаешь, Олька всего-навсего правду сказала, она ведь любит тебя.

– Хороша любовь, – пробубнил я. – Со всеми друзьями переспала. И ты, конечно, был первым среди них?

– А кто же тебя, дурака, от любви лечить будет, – строго оборвал меня Кондрат. – Жениться на ней ты ведь не собирался?

– Ну, не собирался, – подтвердил я..

– Вот и все, – подвел он итог. – Ведь мы с тобой о чем договаривались? Оберегать друг друга и не давать товарищу утонуть в омуте любви..

Я, не найдя, чем ответить на эти слова, сник.

– Ладно, налей уже тогда и мне сотку конька, – попросил я жалобно.

Кондрат наполнил два бокала коньяком.

– Давай, – прикоснулся он к моему бокалу своим, – выпьем... Уж не знаю за что. – Он помолчал несколько секунд, затем улыбнулся: – За любовь, наверное.

Новелла четвертая. Гамбит от блондинки

Коктейль «Восторг»

Темный ром 20 мл.

Ананасовый сок 20 мл.

Апельсиновый сок 10 мл.

Лимонный сок 10 мл.

Все компоненты смешать в шейкере, слегка взбить со льдом, подать в бокале.

*Не раз и я, в объятьях дев
легко входя во вдохновенье,
от наслажденья обалдев,
остановить хотел мгновенье
Игорь Губерман*

Прошло уже около двух недель со дня нашей последней встречи с Ольгой, а я все не находил себе места, злился на нее, на себя, на весь белый свет и... скучал и тосковал по ней. Женщин и девушек вокруг было множество, некоторых стоило только пальчиком поманить и они мигом прибежали бы, но... я все не мог забыть Ольгу.

В один из вечеров я, решив сбросить моральное, а заодно и сексуальное напряжение, привел к себе в квартиру новенькую нашу официантку Фросю, а она выкинула неожиданный фортель, отказала мне в близости и тем самым вогнала меня в комплекс неполноценности.

Нет, между нами все так хорошо начиналось – улыбочки, разговорчики, намеки, обещания, вот я и подумал: все, куда ей теперь деваться, она обязательно будет моей. При этом мне не хотелось торопить события, ведь мы с ней в одном кафе работаем, и она всегда была, можно сказать, под рукой, а после рабочего дня мы вместе по одной дороге домой ходим, и я, таким образом, дал ей «вызреть».

Фроська, – девица сельская, – десятый ребенок в семье (что по нынешним временам является просто героическим поступком ее родителей), была высокой, ядреной, фигуристой и симпатичной. Волосы, растущие на ее голове шапкой, были густющие, темно-каштановые, прибавьте еще огромные карие глаза. Ей было 19 лет, а дома у нее уже была лялька – двухлетняя дочь, явившаяся результатом раннего замужества, а может, и вообще без него обошлось, я знал лишь то, что девочка существует. И еще знал, что пока Фрося работает, ее дочь воспитывает мама, то есть бабушка девочки. Вот и пригласил я Фросю к себе домой, подумал, повеселюсь с ней без проблем, – она и пошла. Мороз был на улице 18 градусов, от которого все вокруг – деревья, покрытые снежком, и даже воздух казались замершими от холода, и я уже млел в предчувствии того, как мы с Фроськой завалимся в теплую постельку и разгоним по телесам изрядно подстывшую кровь.

Итак, половина первого ночи, мы с Фроськой приближаемся к магазину «Юбилейный», что расположен рядом с моим домом, и вдруг я замечаю, что на остановке, что через дорогу напротив, кто-то сидит.

– Видала, а люди вон автобуса дожидаются, – пошутил я, – только в этот час автобусы у нас уже не ходят.

Подошли ближе, посмотрим, мужик сидит внутри остановки на скамеечке. Он одет в овчинный тулуп и спит, склонившись над завернутым в одеяло ребеночком, которому, судя по размерам пакета, явно всего нескольких месяцев от роду.

– Пьяный, сволочь, – сказал я, снимая руку мужика в рукавице с одеяльца, на что тот даже не прореагировал. Взяв в руки ребенка, я передал его Фроське и сказал:

– Проверь живой ли, дышит. – А сам по морде мужика охаживаю, по морде пощечинами, чтобы разбудить. Он что-то бухтит сквозь сон, но не просыпается.

А тут – какая удача! – по дороге сверху, со стороны Спирина, где у нас располагается медицинский городок, едет «скорая помощь». Я выхожу на середину шоссе, – знаю, что в противном случае водитель не остановится, мимо проедет, – и начинаю энергично размахивать руками.

Машина, взвизгнув тормозами, прокатилась несколько метров юзом и остановилась рядом со мной.

– Ты че, пьяный, что ли, в бога мать?! – открыв дверь, закричал на меня водитель.

– Выручайте, братцы, – шагнув к машине, заговорил я, попутно замечая, что в машине, кроме него и фельдшера, больше никого нет. – Заберите отсюда этого пьяного урода с ребенком в «скорую», скажите врачам, что они тут мерзли на улице, пусть ребенка проверят, обогреют, а этого куда угодно, хоть в вытрезвитель можете сдать.

– Да ты, да я... – стал петушиться водитель, – я вам тут не такси.

– Вы ведь медработник, – обратился я к пожилому фельдшеру, – и понимаете, в чем дело. – Затем, уже водителю, который все бубнил что-то и никак не успокаивался: – Ну-ка глхони, пацан, а то еще слово скажешь, из кабины выкину, сам отвезу, а ты пешком пойдешь.

Фельдшер что-то сказал водителю, тот, продолжая бурчать, но уже гораздо тише, вполголоса, погрузил в машину ребенка вместе с незадачливым папашей, который до сих пор так и не пришел в себя, и они уехали.

А потом мы с Фроськой пришли ко мне домой. И она, представьте, полночи мучила меня, то есть, к себе не подпускала. Все что угодно – обнимайчики, поцелуйчики, словно я школьник какой, а секса – ни-ни. Плюнул – мысленно, конечно, – отвернулся к стене и уснул.

Вечером следующего дня я находился у Кондрата в баре, когда он, стоя у входной двери, позвал:

– Иди, Савва, здесь на улице тебя Оля дожидается, и с ней еще какая-то подруга.

Я вскочил с места и бросился к выходу, затем большим усилием воли заставил себя медленно и степенно выйти наружу. На улице стояла Ольга, она, как всегда улыбалась; за спиной у нее маячила еще одна девушка, под кокетливо подвязанным платочком я увидел милостивое лицо.

– Моя соученица Ленца, – беря меня за руку и одновременно увлекая в сторону, прошептала Ольга, кивнув в сторону своей спутницы. – Она просится в вашу компанию. – Сказав это, Ольга вопросительно поглядела на меня, и я понял, что она хочет таким вот способом, приведя с собой привлекательную подругу, вернуть себе утраченные позиции.

– Она с полгода тому назад попала в лапы к одному тут, Буга, кажется, его кличка, – продолжила тем временем свой рассказ Ольга, – ты ведь знаешь, что происходит с девочками, которые к нему попадают?

Я кивнул, знаю мол. С некоторых пор, уже на протяжении, наверное, последних двух лет, очень многим молоденьким девушкам в нашем городе приходится нелегко, так как десятки парней со спортивными навыками – бывшие спортсмены – буквально рыщут по городу и отлавливают их во всех общественных местах – на дискотеках, около молодежных кафе, у кинотеатра, а то и просто на улице, возле общежитий, или же рядом с учебными заведениями, где те занимаются, затем силой усаживают их в машины, после чего отвозят в лес, к озеру или

на какую-нибудь квартиру, и там насилуют. Чаще всего насилие это бывает групповым, скидка делается лишь девственницам, да и то не всегда.

Я этому явлению дал свое личное определение: «сексуальный террор». Самая многочисленная группа насильников, которую вполне можно было назвать бандой, подчинялась Буге, совсем еще молодому парню 18 или 19 лет.

Наглость этих парней не знала границ, по-видимому, они очень серьезно увлеклись этим «видом спорта», при этом послаблений или скидок не делалось никому: в лапы насильников порой попадались дочери известных в городе руководителей, и с ними происходило то же, что и с остальными.

Насильники, в тех случаях, когда кто-либо из их жертв пытался обратиться в милицию или прокуратуру, немедленно предлагали им отступного деньгами: пять, десять и более тысяч рублей, на сколько сторгуются, и тогда зачастую пострадавшая сторона, в которую кроме девушки входили ее родители, чтобы их история не получили огласку, соглашалась. При заключении сделки, во время так называемого «торга», эти ребята очень ловко и скрытно пользовались портативными японскими диктофонами, ведя записи всех разговоров, поэтому, впоследствии, когда пострадавшая сторона не получив, естественно, ни гроша, все же обращалась в органы правосудия, дела об изнасилованиях если и открывались, то вскоре за недостаточностью улик закрывались, причем пострадавшая сторона нередко обвинялась в вымогательстве, ведь к услугам насильников имелись компрометирующие тех записи. В результате всего этого возникала безнаказанность, которая, естественно, порождала следующую волну насилия.

Ленца, подруга Ольги (которая называла ее именно так, на молдавский манер), точно так же, как и многие другие девушки, в один далеко не прекрасный для себя день оказалась в лапах этих парней, которые ее отвезли в лес. Она изо всех сил сопротивлялась, защищая свою невинность, за что ее «облагодетельствовал» лично главарь насильников по кличке Буга; о том, чтобы отпустить девушку, не трогать её, не могло быть и речи.

Ленца, судя по всему, бандиту понравилась, так как он ее оставил при себе, сделав своей постоянной подругой, но уже очень скоро, узнав, что она беременна, без сожаления избавился от нее.

Выслушивая всю эту историю от Ольги, выпалившей ее скороговоркой, я одновременно с интересом разглядывал Ленцу. Она была хорошо сложена, стройна, при этом она, может, в чем-то и уступала более яркой внешне Ольге, но милые и нежные черты ее лица, обрамленного светло-русыми волосами, меня, признаюсь, сразу расположили к девушке.

– Давай подсунем ее твоему товарищу Кондрату, – продолжала нашептывать мне на ухо Ольга. – Только предупреди его, что она немножко беременная, месяца два с половиной, три, не больше.

– Хорошо, – сказал я, – я с ним поговорю, а вы пока заходите, присаживайтесь за любой свободный столик.

Девушки прошли в бар, я, последовав за ними, дорогой шепнул Ольге:

– Знаешь что, ты пойди, куколка, поморочь голову Кондрату, а мне нужно будет с этой твоей Ленцей поговорить.

Ольга удивилась, но просьбу мою исполнила, а мы с ее подругой, прихватив с собой стаканы и кувшинчик с соком, отправились за угловой столик.

– Ты, как я слышал, имеешь желание примкнуть к нашей компании? – спросил я девушку, с удовольствием разглядывая ее.

– Ты понимаешь, Савва, – ответила девушка, заметно волнуясь, глаза ее без остановки бегали по моему лицу, – я провела вместе с этими... – она нервно прикусила губу, – бандитами, больше месяца, и хорошего слова от них ни разу не слышала. А Ольга так много хорошего о вас, в частности о тебе, рассказывала, что я, честно говоря, даже не верила ей, что в наше время между ребятами и девушками могут быть такие красивые отношения. Если вы с Кондратом

не против, я тоже могла бы... не знаю... мне хочется пожить нормальной жизнью, раз уж так сложилась, что я уже женщина. – Она на несколько мгновений опустила голову, а когда вновь подняла, в глазах ее стояли слезы. – У меня здесь никого нет, родные далеко, на Украине...

Желая ее успокоить, я взял ее ладони в свои, девушка эта, признаюсь, нравились мне все больше, к тому же я всегда трепетно относился к беременным.

– Хорошо, считай, что ты принята в нашу компанию, – ласково сказал я. – Обижать тебя здесь никто не будет, а бывшим твоим... знакомым сюда хода нет. А теперь скажи-ка мне честно: ты сегодня ела что-нибудь?

– Не-а, – после секундного раздумья покачала головой Ленца. – И улыбнулась застенчиво. – Как-то не до этого было.

– Пужинаешь со мной?

– Ну, не знаю, если все, тогда и я...

– Хорошо, – улыбнулся я, вставая со своего места, – только подожди немного, я быстро.

Поднявшись в зал ресторана, я отдал поварихе распоряжение насчет ужина, затем поручил официанту принести мой заказ в бар и поспешил назад.

Получасом позже Ленца, в стеснении опустив глаза, сидела перед полным подносом с едой и говорила:

– Не могу я, Савва, одна есть.

– Ты же видишь, все остальные не голодны. Я посижу с тобой, так что давай, приступай, не стесняйся.

Я с удовольствием наблюдал как она красиво и аккуратно ест, при этом вполне грамотно пользуясь приборами. Глядя на нее, можно было подумать, что она обучалась этикету в институте благородных девиц, если бы таковой в нашей стране существовал. На самом же деле Ленца, как позднее выяснилось, будучи уроженкой одного из небольших украинских провинциальных городков, была дочерью простых рабочих. К примеру, ее подруга, Ольга, девушка из интеллигентной семьи, мать которой была учительницей, а отец полковником госбезопасности, не обладала столь изысканными манерами.

После ужина Ольга присоединилась к нам; мы слушали музыку, пили шампанское и болтали о чем угодно; за разговорами мы и не заметили, как наступила полночь.

– Ну, чем будем заниматься, мой старый друг и две прекрасные юные леди? – подойдя к нам, напомнил о себе Кондрат; он только что закрыл двери за последним из посетителей.

– Минутку! – попросил я и, наклонившись к Елене, спросил шепотом. – Если ты хочешь пойти домой, то я тебя провожу, а если хочешь остаться – то так и скажи.

Вместо ответа девушка под столом сжала мою руку, и это решило все.

– Пожалуй, мы с Ленцей расположимся на ночь прямо здесь, в кабинке, – сказал я, стараясь не встречаться взглядом с Ольгой, – а вы, друзья, отправляйтесь за стойку, там у тебя, Кондрат, я знаю, имеется укромное местечко для двоих.

Ольга, услышав эти слова, обожгла меня молниеносным взглядом, в котором отразилось все: недоумение и затаенная боль; она и предположить не могла, что я, едва познакомившись с ее подругой, могу запасть на нее, иначе бы она и на пушечный выстрел эту самую Ленцу ко мне не подпустила. Кондрат, зная о наших с Ольгой прежних отношениях, казалось, был удивлен не меньше ее, но я был тверд в своем решении остаться с Еленой, зная, что к Ольге никогда больше не смогу прикоснуться.

Не обращая ни на кого внимания, я разложил в кабинке матрас, сверху на него бросил подушку и махровые простыни. В баре было прохладно, поэтому я включил электроплитку, установив ее поверх барного холодильника. Эта необычная плитка, изготовленная местным мастером «золотые руки» по моему специальному заказу, в какие-нибудь двадцать минут полностью прогрела бар, и при этом испускала интенсивный оранжевый свет, благодаря которому в помещении не требовалось каких-либо других источников света.

Ольге каким-то чудом удалось справиться со своими эмоциями, не выплеснув их наружу и не устроив при этом сцену ревности, и уже спустя несколько минут, в тишине, нарушаемой лишь шелестом постельного белья, все мирно улеглись. Раздевшись и приняв горизонтальное положение, я обнял робеющую Ленцу и стал ласкать ее прекрасное юное тело. Что ж, я мог себя поздравить: моя новая пассия была удивительно хорошо сложена. Мы еще не приступали к сексу, когда Ольга за стойкой стала громко стонать от получаемого удовольствия в зад (мне ли было не знать, как и отчего она стонет!) – в этом, надо признать, они с Кондратом были буквально созданы друг для друга. Нам с Еленой присутствие посторонних в помещении почти не мешало, мы нежно и прочувственно любили друг друга, затем, отдыхая, замирали, не отпуская объятий, потом все начиналось сначала. Не знаю, чем эта девушка так меня завела, но едва я прикасался к ней, как по моему телу словно пробежал ток, и я вновь был готов любить ее по второму, по третьему, и так далее раз.

Спешу добавить, что первая ночь любви настолько сблизила нас, что мы с Еленой после этого не расставались ни на один день в течение трех последующих недель. Ее подруга Ольга рвала и метала, чувствуя, что окончательно теряет меня, что, однако, отнюдь не мешало ей при этом каждую ночь терзать Кондрата; в наших же отношениях с Еленой наступила полная идиллия и взаимопонимание, казалось, никто и ничто не могло нас разлучить.

Это произошло поздним морозным вечером, когда мы, как обычно, вчетвером остались в баре после закрытия.

Ленца сидела напротив меня за столиком и была отчего-то грустна.

– Э-эй, – приподнял я пальцем ее подбородок, – почему ты грустишь, моя девочка?

– Оттого, Савва, что это последний вечер, который я провожу с вами, с тобой, – сказала она, и глаза ее мгновенно наполнились слезами. – Завтра я уезжаю на Украину, но не домой, нет, а к своей двоюродной тетке, в Харьков, сделаю там искусственные роды, избавлюсь от ребенка, зачатого от этого уroda, – ее лицо, милое и нежное, на мгновение исказила злая гримаска, – а потом вернусь, закончу училище, ведь нам осталось всего два месяца заниматься, а затем уеду далеко-далеко, в Благовещенск, кое-кто уже давно зовет меня туда.

– Но... почему ты говоришь об этом только сейчас? – растерянно спросил я. – Почему ты... – Я не закончил фразу и подавленно замолчал. Конечно, Ленцу можно было понять, девушка не хотела оставаться в городе, где все ей напоминало об ее несчастье. Изнасилование, а затем, вследствие него нежелательная беременность, которая, кстати, еще немного и должна была обрести вполне реальные формы, – все это угнетало ее, и даже наши отношения, на мой взгляд, замечательные, не могли изменить чего-либо в ее планах. Впрочем, Ленца наверняка понимала, может быть, даже лучше меня самого, что у наших с ней отношений нет будущего. Ко всему прочему, ее подруга Ольга каждый день отравляла ей жизнь, упрекая в связи со мной. И Елена сделала свой выбор. Но последующие, сказанные ею слова, вообще чуть не свели меня с ума.

– Савва, я решила эту ночь провести с Кондратом, поэтому прости меня, если сможешь. Это мне просто необходимо, иначе я сойду с ума от любви к тебе. – После этих слов девушка замолчала и заплакала навзрыд.

В негодовании поглядев на Кондрата с Ольгой, я увлек ее в сторону, обнял, прижал к своей груди и зашептал:

– Бог мой, да ты с ума сошла, ты не обязана ни с кем спать, и уж тем более с Кондратом. Кто это тебя, дурочка моя, надоумил на такое?

– Я сама так решила, – шептала она сквозь слезы. – Так мне будет легче забыть... тебя.

– Я не верю тебе, милая, я не верю ни одному твоему слову, а знаю лишь одно: это Ольга сбивает тебя с толку.

– Мне лично давно уже все равно, – раздался голос Ольги, сидевшей за стойкой, которая каким-то образом услышала, о чем мы говорили. – Я ей и слова не сказала.

– Вы все сегодня словно с ума посходили, – после паузы сказал я, и сам в этот момент понял, что это был конец нашим с Ленцей столь чудесным, и, как оказалось, таким хрупким и недолговечным отношениям. В растерянности я замолчал; потом подумал немного и сдался. Затуманившимся взглядом я наблюдал, как Кондрат подхватил мою Ленцу на руки и понес к себе за стойку. Проходя мимо электроплитки, стоявшей на холодильнике, он на секунду остановился, придержав Ленцу над раскаленной спиралью.

– Что ты делаешь? – испуганно воскликнула Ольга.

– Я разогреваю в Ленке любовь к себе, – глухим голосом проговорил Кондрат.

– Наверное, так всем нам будет лучше, правда, Савва? – с затаенной улыбкой спросила Ольга, несмело касаясь рукой моего плеча.

– Пусть весь мир катится к черту, – произнес я и без сил повалился на уже разложенный в кабинке матрас.

– Наконец-то ты будешь мой, и только мой! – вскричала Ольга, бросаясь ко мне и принимаясь срывать с меня одежды. – Теперь я уже ученая и никому тебя не отдам, слышишь?

Я слушал и не слышал ее; я пытался оттолкнуть от себя ее руки, но мне это не удавалось. Все происходившее здесь и сейчас происходило словно не со мной. Помню, из-за стойки высунулось лицо Кондрата, он окликнул меня, затем чем-то швырнул в мою сторону, я поймал, оказалось, это был крем для рук. Кондрат пользовался им во время любовных игр, для лучшего, так сказать, проникновения.

Ольга увлеченно делала мне минет, у меня же не было ни сил, ни желания ей сопротивляться, хотя минет, как, впрочем, и все другое, связанное с сексом, у нее получался великолепно. Когда все закончилось, я не очень тактично отодвинул ее от себя и мгновенно провалился в сон.

Когда я проснулся, за окном уже было утро и девчонок в баре не оказалось; лишь Кондрат, мурлыкая себе под нос какую-то песенку, суетился за стойкой.

– А вот вчерашнего я тебе никогда не прощу, Кондрат, – сказал я, выбираясь из своего ложа и принимаясь одеваться.

– Но как-то же я должен был тебя выручить, – усмехнулся он, еще не ощущая серьезности момента.

– Ты поддался на дешевую уловку Ольги и за это я готов даже убить тебя, – сказал я, и он, поняв, наконец, что я не шучу, уставился на меня и побледнел. – Убить тебя, к примеру, на дуэли, а за неимением другого оружия, – добавил я, доставая из куртки нунчаки, – придется драться на этих деревяшках, так что бери свои и выходи сюда, на середину зала.

– Ты это серьезно? – спросил меня Кондрат, на его лице играла неуверенная улыбка.

– Ты меня знаешь, – ответил я жестко, – я не шучу.

Спустя минуту Кондрат вышел из-за стойки со своими нунчаками в руках, и мы стали друг напротив друга. Его нунчаки с металлическими набойками на концах были, по крайней мере, в два раза тяжелее моих и заметно длиннее, но меня это не смущало. Он, признаю, и владел ими лучше меня, зато у меня за спиной был огромный по сравнению с его собственным опыт всякого рода схваток: на ковре, на ринге, на татами и просто в уличных драках. Не теряя контакта с глазами противника, я пустил нунчаку оборотом, он сделал то же самое. Несколько секунд мы, не предпринимая решительных действий, просто кружили по бару, затем я сделал пробный выпад, который он легко отбил, раздался деревянный треск. Тогда, сделав обманное движение, я нанес Кондрату новый удар, вложив в него всю скорость и силу. Он попытался защититься, но не успел, и мои нунчаки, не встречая сопротивления, обрушились на его руку.

Послышался глухой удар, я замер: мне показалось, что я сломал ему кость. Кондрат, действительно, выронив нунчаку, схватился за руку; на его лице застыла гримаса боли.

– Что? Больно? – бросился я к нему.

Кондрат скривился как бы от боли, но уже в следующую секунду растерянно улыбнулся и показал мне свою неповрежденную руку: оказалось, что треснули... его часы – подарочные, командирские – от удара они сплющились и стрелки вдавились в механизм.

– Нет, не больно, – отозвался он после паузы, еще сам не веря, что цел. – Только душа очень болит, а рука совсем чуть-чуть – ушиб, наверное, а вот часы жалко.

Я обнял его на секунду, затем отошел, опустил в кресло и... зарыдал, слезы затуманили мне глаза.

– Ты, ты... сволочь ты, брат, – всхлипывая, шептал я, вытирая слезы рукавом. – Да и не брат ты мне вовсе, братья так не поступают. – Кондрат сидел рядом, приложив к руке кулек со льдом и молча выслушивал мои упреки.

Прошло, наверное, минут десять, пока я, наконец, успокоился и сказал ему:

– Прости меня, брат, не знаю, что это на меня нашло. Ты, конечно, ни в чем не виноват. – Я попытался улыбнуться. – А часы я тебе куплю другие.

– На хер мне часы, – сказал Кондрат. – Забудь об этом.

– А эти девушки... – повысил я голос. – Хотя мне и больно об этом говорить, но для меня они больше не существуют, нервы они мне потрепали предостаточно.

– И для меня тоже не существуют, – тяжело вздохнув, пробормотал он, видимо для того, чтобы меня успокоить.

Новелла пятая. Неделька

Коктейль «Икс-игрек-зет»

Темный ром 30 мл.

Ликер лимонный 20 мл.

Сок лимона 20 мл.

Компоненты смешать в шейкере, взбить со льдом, подать в бокале.

*Завидев деву, малой толики
не ощущаю я стыда,
что много прежде мысли «стоит ли?»
я твёрдо чувствую, что да.
И. Губерман*

Как-то раз, общаясь с одной знакомой мне женщиной, на пальце у нее я заметил необычное украшение – несколько тонких колечек, собранных вместе. «Что это означает?» – спросил я. «Не знаю, что именно означает, но называется это – неделька», – сообщила мне она.

Стоял жаркий летний полдень, пятница, когда мы с моим товарищем Ленькой Калкиным по прозвищу «Румын» гуляли по «стометровке» – так мы называем главную в нашем городе улицу – Ленина. Мы неторопливо прогуливались и беседовали. Тема соответствовала погоде – зной, лень, расслабленность, минимум одежды на женщинах, проходивших мимо нас, отчего в воздухе буквально витали сексуальные флюиды, так что говорили мы, конечно же, о любви и сексе.

– А хочешь, Савва, – сказал Ленька, позёвывая от скуки, – я тебе покажу, кого бы я в нашем городе с удовольствием поимел? Я имею в виду, конечно, только тех дам, которых можно увидеть здесь и сейчас, никуда не уходя из центра города.

– Хочу, это, пожалуй, даже интересно, – подумав несколько секунд, согласился я. Делать мне все равно было нечего, да и временем свободным я располагал, так хоть для разнообразия взглянуть на девушек, которые нравятся твоему товарищу – ведь у каждого из нас свой вкус. Надо сказать, что Ленька – парень весьма симпатичный и привлекательный, был почти как две капли воды похож на актёра Михаила Боярского, даже усы у него точь-в-точь, только наш Лёнька возрастом помоложе. Однако, несмотря на примечательную внешность, вкусы его в отношении женщин были не слишком требовательными – простые потребительские вкусы, так как я его не раз встречал в городе с разными девушками и женщинами, и ни одна из них не поразила меня своей внешностью или особой индивидуальностью, и уж тем более большим умом. При этом следует отметить, что Лёнькин старший брат, Шурик, весьма известный в нашем городе ловелас, в этом плане немало преуспевший, отличался от младшего брата более тонким и изысканным вкусом.

Так как наш путь лежал от парка к центру города, то первым по ходу с левой стороны перед нами оказался магазин золотых изделий под названием «Ауреола», и мой товарищ, поравнявшись с ним, кивнул на темноволосую молоденькую продавщицу, стоявшую на верхней ступеньке у открытых дверей.

– А вот, кстати, и первая из них, – негромко сказал он мне, одновременно располагаясь улыбнувшись девушке. – Зовут Аннушка. Она работает здесь всего пару месяцев и ещё не успела стать такой нахальной, как те, что здесь давно работают. А девушка, согласись, симпатичная, а главное – скромная. Ни с кем, насколько мне известно, в настоящий момент не встречается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.